

Смена

№ 5 МАРТ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХИЖИНА ДЛЯ ГОРНОЛЫЖНИКОВ И ТЫСЯЧИ ДРУГИХ СПОРТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ

С ПРАЗДНИКОМ, МИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ!

Стихи советских поэтесс
дарит вам редакция
ко дню 8 Марта.

СТИХАМ НЕ УЧАТ, ИХ БЕРУТ У СОЛНЦА...

Рисунок В. АРОНИНА

Фазу АЛИЕВА

(Махачкала)

Матери

Ищу я слова, чтоб в конце концов
Просто и точно сказать о тебе.
Горды пристравляют крыльцо
К дому, чтоб дому было теплей.
Одно крыльцо берет один дом,
От снега хранил, от дождей

пронивных.
Но ты, моя мама, была крыльцом.
Надежной защитой для нас четверых.
Как дому — крыльцо, как ресницы —
глазам,

Как веткам — подпорка,
Вот так нам и ты.
Подпорки нужны молодым деревьям,
Когда еще мало силею их плоды.
Подпорки всю тяжесть берут на себя.
Чтоб нас не ломало, не гнуло к
земле,
И ты вот все тяжесть брала на себя.
Все думала: вырастет, станем

сильней —
Ведь стало же дерево деревцом! —
И сами станем опорой твоей,
И сами станем твоим крыльцом.
Но ты опора нам и сейчас:
Пошатнешься — и мы упадем.
Но ты и сейчас фундаментом для нас:
Пошатнешься — и рухнет дом.
Лестница ты, а ступеньки мы:
Пошатнешься — и мы все врозь.
Чтоб удержались под снегом мы,
Сильнее тебе переносить пришлось!
И все же ты крепче любых деревьев,
И все же ты светлей любого окна...
Тяжелая ноша у матерей,
Но кажется легкой тебе она.

Перевела с аварского
Ирина ЛИСИЯНСКАЯ.

Тамара ПОНОМАРЕВА

(Томск)

Сугробы...
Сугробы вокруг надела.
Россия в снегах,
от которых светло...
Я буду с ней в заветы и влегу,
пусть мной заступит меня.
Оставлю ей дочку или внука,
чтоб след мой не замело...

Светлана КЕДРИНА

(Москва)

Солдатка

Неужели и мне солдаткою быть,
Как бабка была и мать,
Ночей не спать, не есть и не пить,
А только весточки ждать.

Неба бояться, снегого дня —
Врагу ведь легко увидеть меня.

Неужели и мне солдаткою быть —
Я буду кричать, я буду грубить,
Птицей неугомонной я небо взлечу
И буду кричать: войны не хочу!

А если не долетит голос слабый,
А если не посчитается с бабой,
Уауу, за землю сражался самою,
Как бабка моя погибла в бою.

Зинаида ПАЛВАНОВА

(Москва)

Наталья БУРОВА

(Ташкент)

Дюда поспевает. В ее серебре
Ягитарные бусы повсюду повисли.
Сентябрьские ветры гудят на заре,
И осенью ясной исполнены мысли.

Порой этой долготой и золотой
Закуются вострами холодными клены.
Повиснет на веточке волос седой,
Зрелками в траве заблестит пасленны.

Хлопчатники порокросте белым дымком,
Над каждой коробочкой облачко
взрыва.
Надвинется туча тяжелым комком
И что-то во тьме заборончат
сварливо.

Ташкентская осень! В ней столько
тепла
И запахов приных, пронизанных светом.
Надрывный, уродливый голос осла
Не может нарушить прощания с
летом.

И нежности песен и красок земных,
Исповненных негою и овидальем.
И нет на душе ощущения миазы,
И чуть перед самым последним свиданьем.

Алла БЕРИДЗЕ

(Москва)

Мокрая курица

Дрожит
дождем дробящим улнца.

Девочка —
мокрая, как курица.
Куда б укриться! Куда б укриться!
— Мокрая курица! Мокрая курица!
Мальчишки стайками
Стоят под крышами,
И кто-то тычется
Слазить за прядь ее,
Но, видно, гонюб буванский
скаплился —

Он обогнул ее, коснулся платья
И —
что за чудо! —
унес под крыльям...
И вдруг — смотри-ка ты! Мокрая
курица...
Дрожит дождем дробящим улнца —
Чему-то радуется, о чем-то плачет.
Слазить за прядь ее, облизавшем платье.
— Мокрая курица!
Мокрая курица!
Мальчишки курят, а им не курится.

Снаружи эти частые брызги —
Побеленная известью стена.
Рассеивно в нее вы забредаете,
Покимаетесь и все поимаете:
Стена объема, то есть дом она.

Неманный, естественный и грубый,
В нем целиком дерева вместо срубов,
Окношко в небо вместо потолка,
И ферста обветренная, как губы,
И ветка золотая, как рука.

Располагайтесь, улыбайтесь,
мучайтесь,
Сентябрь вам дан в домашнее
мушкетство,
И в гостя — одиночество, а там,
Набравшись тишины и мужества,
Из дома уходите по делам.

Марина ТАРАСОВА

(Москва)

Чужая комната, чужая суета,
она надлого мной снита
по воле обстоятельству.

Мне по утрам бывает странно,
и давит камень на висках,
когда грохочут по Печаной
тяжелые грузовики.

Я выросла на первом этаже,
среди акаций и липовки,
и по утрам, как в гараже,
там пахло маслом и покоем...

Чужая комната, чужая суета
на полках, на углах, в шкафах,
походкой вращающей крота
здесь по паркету бродит страх.

Все думают: окончен сказ,
уж мне в кулак не засмеять,
а радуга сползла враз
дождея абсолютною сета.

Губами солнце я ловлю,
мне в руки не пускай сминца,
пологотню и небо — журавлю,
наверно, потому не спится...

Алла ЯКОВЛЕВА

(Павлов-Посад)

Ах, бабушка, я стала
городской —
мудреных слов я ритмы
различаю,
по нашей речке, камышам
скусаю,
о белой Жучке дулаво с
тоской
Мне так близка тропинка через
сад
по-над забором к ветвому
сарану...

«Формирование коммунистической сознательности членов ВЛКСМ, всей молодежи встает в качестве одной из самых первоочередных задач Ленинского комсомола».

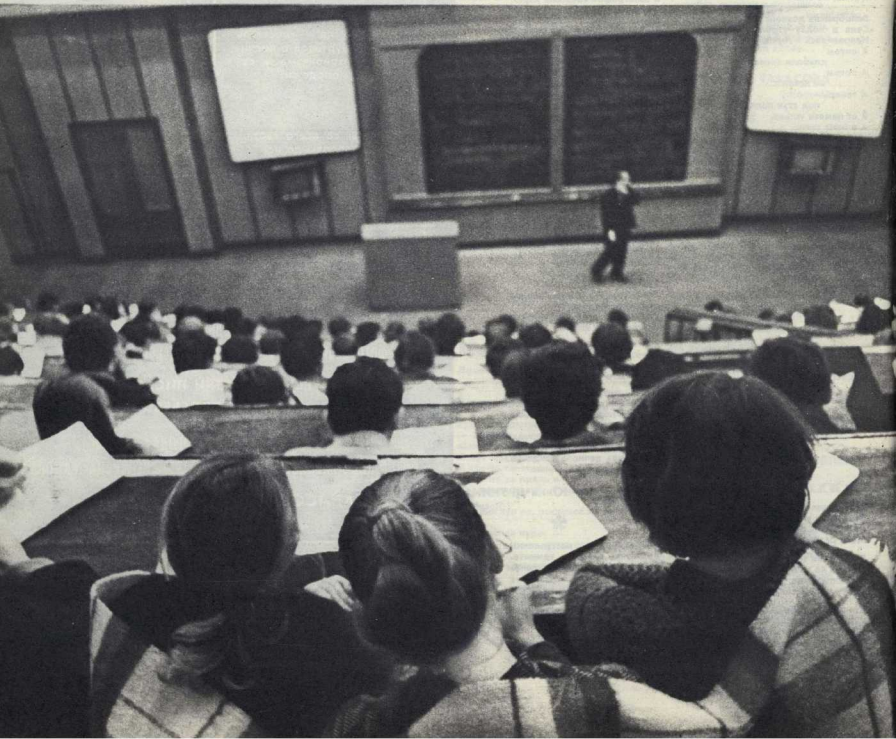
Из доклада первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова на VI пленуме ЦК ВЛКСМ

Михаил МИХАЙЛОВ
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ВСЕ ВМЕСТЕ

Вот так начинается общность — с первого курса, с первых лекций.

Звонят звонки: в коридорах, слышно на киностудии или в театре, спохватываю над гололой табло: «Тише! Идут занятия!» — расслаиваются медленные табачные облака; торранные фигуры мчатся из буфетов к дверям аудиторий. — Кажется, еще минуто, и наступит зашумевшая тишина, огромный институтский корпус замерет на час, раббин и расстротрова, как надо, без малого тринадцать тысяч своих питомцев — тринадцать тысяч лиц, характеров, склонностей, настроений, судеб, чувствования, развития, тринадцать тысяч индивидуальностей... Но нет, не отстиваются в коридорах тишина, не дует вестиболь, не расслаиваются водопороты возле раздевалок и кновок, автоматов с газировкой и стеногаит, и повсюду: в хреслах холлов, в свободных комнатах, на подоконниках, в буфетах — одна и та же картина: голова к голове, тетрадь к тетради, один учебник на полу, другой на коленях, лервая затеяса сестретей, отреншавшей взгляду — словом, в МЭИ зачетная сессия!.. Они студентка, окна обжестят горят в мифотворской ночи до четырехпятити утр, электротехника лабораторий доводана мают свой диск, и гудит, шлокают, прерриваются трансформаторы, резисторы, осциллографы; воздух лабораторий напашан озном, как сосновый лес после грозы; последние листы чертежей снимают-

ся под урто с кульмана; кто-то синт, кто-то греет чай; у кого-то еще хватает сил острить.

Сессия!.. Казалось бы, в эти дни каждому до себя, потому что как ни дружна группа, как ни один курс, но ты кладешь на стол профессору или преподавателю са ою зачетку, те б а, а не твою группу или товарищей по комнате экзаменуют, и ты а не кто-то другой отвечаешь за свои знания. И тем не менее ни в какое другое время, как в дни сессии или перда нею, в такой степени не проявляется извечное студенческое братство, единство, сопереживание за товарища, общность волнения, подаяма и ответственности...

В Московском энергетическом в течение семестра преподаватели оценивают знания студентов по трехбалльной системе: 0—1—2. За семинары, лабораторные работы, коллективные и т. п. двойка — высокая оценка. Стенные смоланки курсовых и факультетских бюро кричат на весь коридор об успеваемости каждой группы. Огьмальные «нулдисты» удостоиваются персональных выпусков — часто и с фотографией кандидата на отчисление или с карикатурой на него, где копия презрения прозывают передового студентууса. Суровый деканат вывешивает свое суровое суждение, и хоть оно мелко отступало на машинке, мимо не пройдет. Суровым становятся и институтский комитет комсомола: «Заслужить на комитете бюро 3-го курса ЭЭФ... Собрать общее собрание ЭЭФ. Товарищ Барыш-

ков (секретарь факультетского бюро), ты что себе думаешь, что у тебя творится с успеваемостью?»

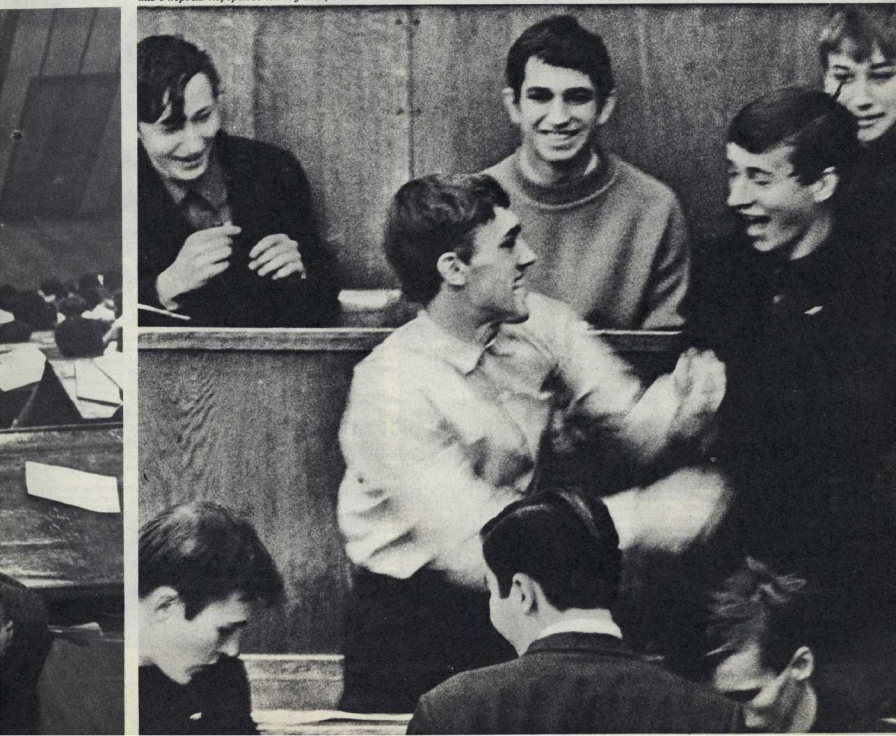
— А иначе нельзя, — говорит член комитета Борис Адамсон, сам в прошлом году окончивший МЭИ. — Главное у нас — учеба, это всем известно. Но вот не всем известно, что выпускник МЭИ «стоит» государству 4 895 рублей, что отчисление каждого перекурсившиа после сессии аккоридит весь курс, что не может быть никакой хатуры, если институт выпускает инженеров-энергетиков, гидротехников, электромашиностроителей, электротехников. И без этого учебное время с каждым годом все насыщеннее, напряженнее, и если уславняется поток информации, то ему должно отвечать и усиленное восприятие. Вот за это мы и боремся...

Действительно, как утверждает академик Н. Н. Семенов, каждые 11—12 лет происходит удвоение и не научных знаний, и поэтому студенту невозможно сообщить всего, даже если читать все лекции каждый день по восемь часов в течение пяти лет. Поэтому в МЭИ на протяжении последних лет принят несколько иной принцип обучения: необходимые знания студентам получают в процессе занятия конкретными, самостоятельными расчетами и исследованиями.

Собыватели в МЭИ: на первом курсе — типовой расчет, производимый с помощью счетных полуавтоматов, затем реальный курсовой проект, самостоятельная учебно-исследовательская работа,

Е, СОБОЩА...

...И с первых перерывов между лекциями.

Если усиливается поток информации, то ему должно отвечать усиленное восприятие.

Одна из ведущих лабораторий МЭИ — лаборатория техники высоких напряжений.

участие студента в научных исследованиях кафедр и проблемных лабораторий и т. п. В этом смысле в качестве идеального примера в институте можно приводить историю инициативных кандидатов наук В. Бендасютов и С. Гамзалина. Будучи студентами третьего курса, они защищали курсовой проект по специальности «Техника высоких напряжений». Но вместо того, чтобы рассчитывать прозаичную, как это делалось сотни раз до них, Бендасютов и Гамзалин спроектировали передовую установку для разрушения горных пород электрогидравлическим способом. Причем через год-полтора эта установка уже была освоена промышленностью и нашла широкое практическое применение.

Вот это и есть «реальный» курсовой проект! Насыщенность учебной программы, новые темпы, постоянное напряжение, лучшие традиции 64-летнего вуза, отличнейший преподавательский состав, большинство которого, кстати, тоже выпускники МЭИ — все это сообщает юноше или девушке, переступившему порог института, как бы особый изначальный заряд высоких требований, единый для всех градус готовности к работе, единый уровень роста. Мало того, что уже самый отбор в институте в какой-то мере калибрует людей, выявляет их способность учиться именно в этом вузе, — первые шаги совместного учения соединяют двадцать — тридцать индивидуальностей в одну группу, десяток групп (а каждая тоже имеет свое лицо) — в курс, курсы — а факультет.

Сам род занятий студента, его жизнь, его быт обуславливают общность его с коллективом,

создают неразрывное единство индивидуальностей, инкий слеп со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями каждого, с необходимостью «соответствовать» закону и духу своей корпорации. Поэтому, вероятно, так жестко обычно выкальваются в студенческой среде индивидуализм, эгоизм, эгоцентризм, поэтому нормой становятся уважение, внимание друг к другу, доброта, прямота, открытость и понимание и друг друга, которое есть необходимое условие истинно человеческого общения.

Очень трудно представить себе студента одиночки, забытым, убитой уведшим в себя — да что там трудно, просто смешно! А если и случается такая anomalia, то как она волнует всех, какую вызывает бурю и боль! Естественно: единство организма нарушено, и уж тут неважно, обожжен палец или сломане нога, все равно больно, все равно не будешь об этом молчать.

И вот идет на эскафе — электроэнергетическом факультете, где секретарем бюро упоминавшийся нами Коля Барышников — комсомольское собрание. В данном случае даже не так важно, о чем оно (речь шла об успеваемости, о том, что среди девяти институтских факультетов ЭЭФ оказался последним), — важна заинтересованность каждого, спор, выработка мнений.

Индивидуальность выявляется достаточно четко. Их много. И они достаточно ярки. Мнение, как видно, складывается о д.н.о. общее. И движут его не фанатизм, в необходимость, реальность; факультету не нужны «чулки», халтурщики, неучучки, факультет должен выправиться на тех, кто успе-

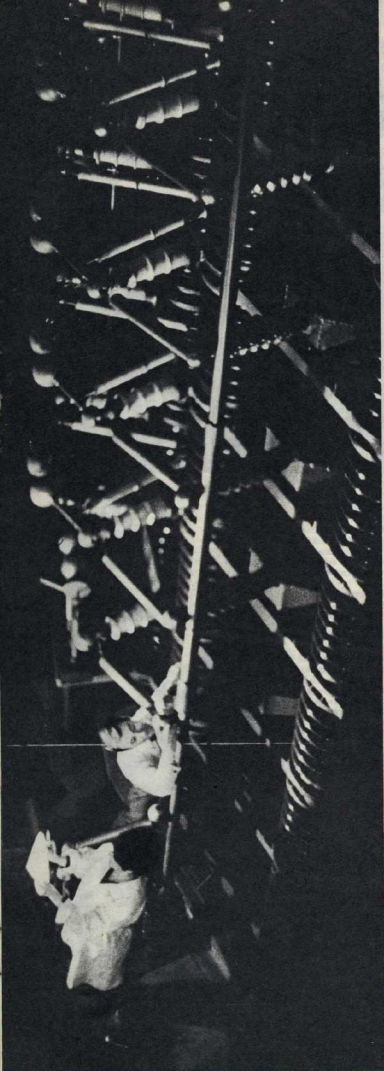
вает во всем. Старшие «привалют» мысли младшим, «слагаи» проникают сознанием, что «так дальше дело не пойдет»...

Институт учит не только специальности, институт учит жить. Учиться у жизни, оценивать жизнь, судить ее. Институт вырабатывает отношение к действительности. Учит отношением с людьми. Учит коллективному. Человеку восемнадцати — двадцати лет очень трудно не запомнить на всю жизнь той минуты, когда один из самых блестящих профессоров МЭИ, замечательный физик, лектор и педагог, автор разработки теории явления индуцированного излучения (что явилось основой создания лазеров) Валентин Александрович Фабрикант, говорит на своей лекции, что самое главное в современной науке и технике создается коллективами.

Так говорит профессор, а пятилетия институтская практика на каждом шагу убеждает студента в том, что эта истина непреложна. И разве этот опыт не складывается на мироощереции, на воспитании тех душевных качеств, которые понадобятся будущему ученому при работе в следующем, после студенческого, научном коллективе? Им тем более инженеру, чье творчество на производстве еще теснее связано с десятками, сотнями людей!

Огромную роль в этом процессе играет институтский совет — НИРС, руководящий научно-исследовательской работой студентов. Достаточно назвать цифры: 5 тысяч студентов занимаются внутренней работой, выламом рублей в год дают они народному хозяйству.

*Кафедра вычислительной техники.
Уж — хорошо, а два — лучше.*

Космопольское собрание — школа общности, коллективизма.

— Во-первых, и прежде всего, мы — студенты...

Каждую весну проводится в МЭИ «Неделя науки»: проходит конференции, работает 45 отраслевых подсекций, прочитывается более 300 докладов. — в эту работу вовлекаются практически все студенты, приезжают делегации из других городов (у МЭИ несколько филиалов), из братских социалистических стран.

Таков размах научной работы в институте. Не говоря уже о том, что ежедневно, совместно работают проблемные лаборатории, а также отраслевые, которые в институте называют «маленькими НИИ». Мощность наших энергетических машин, как известно, возрастает с каждым годом, соответственно увеличивается объем работ в лабораториях «тяжелых» факультетов, занимающихся электромашиностроением, гидротехникой и прочим. А факультеты электроники, автоматизации, радиотехники, напротив, называются «голубыми» — за стремление к миниатюризации, к тонкости и чистоте исследований, хотя проблем и дел в лабораториях этих «модных» факультетов, естественно, не меньше, чем везде.

Так складывается учебный и научно-исследовательский процесс. Но, как известно, студент — су-

— Есть вопросик!

— Я выскажу мнение нашей группы...

Выступать или нет?

щество многогранное, активное, ультраобщественное и во всяком еще явное. Мы не хотим сделать, что это понятие адекватно понятию «леткомсомоленое», но без некоторой легкости, веселости и чувства юмора что за студент, хоть и «финист»?

Современные сотни газет, листовок, бюллетеней сообщений, стены выставку, подобно боссам слонам, несут на себе доспехи и оружие великих профсоюзных баталий, агитбоев, кулацкесидней, фотосражений, спотворбоз, муз- и театришей, липтоходов и т. п. Клуб «Полютона» сменяет прорабрий Катялла, а клуб «Электрон» цитирует Вилера и Опенгеймера. Клуб «Камертон» конкурирует с «Фезоновском», а агитаторы АВТФ — факультета автоматки и лависислительной техники — проводят социологическое исследование полнитформированности студентов и обнаруживают его во славу мужчин и в посярмлении прекрасному полу, со странным для него постоянством не читаясь му гомет. И тут же в назидание — полнитформация, карниатуры...

Факультетский штаб стройотряда вывесил объявление, что начинается запись добровольцев. Но об этом следует сказать особо.

Хорошо известно, что такое студенческий стройотряд, что по всей стране, начиная с целинных лет, руками студентов построено множество домов и школ, посёлков, дорог и т. п. Минды тоже на протяжении десятилетия работали и на целине и в совхозах и колхозах других областей, в Братске и Двинитворске. Только прошлым летом на строительстве Красноярской ГЭС трудилось 500 студентов с трех факультетов: строила дорог, тепло-трассу, гараж, водоводы. Причем средняя норма выработки на студента составила 236 процентов!

А электромеханика прошлым же летом, извободившись к 30-летию Ленинского комсомола и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, полностью завершила электрификацию Ульмановской области.

Беседы приемы штаба АВТФ раскрывают планы общенинститутовского стройотряда на нынешнее лето. В комитете комсомола нам прокомментировали эти планы, рассказали об особых штабах подготовки. Полторы тысячи инициев посетят этим летом в Якутию строить жилье дома и другие объекты. Большая группа студентов вместе со студентами-иностранцами [статья, в МЭИ участвт более восьмисот юношей и девушек из шестидесяти стран мира] отправится в международный стройотряд лодомосковского совхоза Ковалюво. Еще один отряд будет работать в Ульмановке на создании Ленинского мемориала — строить там школу.

Так что же отряды студентов-строителей хва-тают? И надо ли говорить, насколько эти летние

Разговор с подшефным.

зиповещ еще и еще служат сплоченно ребит, делая жизнь совместной уже поминуту, соприкассовой одна с другой по всем точкам, единой так, как одна рука!..

Но вернемся в коридоры института, к стенам, которые столь живописно, подобно фрескам Тассина, рассказывают о жизни многогрязящего коллектива МЭИ — право, если бы современная цивилизация вдруг погибла и археологи будущего обнаружили бы настенную «живопись» энергетиков, они заключили бы, что отшедшая эпоха была чрезвычайно многообразна, и удивлялись бы, как это человек все успевал... Но к делу. Остановимся еще на одном бюллетене, который является органом другого штаба — штаба так называемого оперативного отряда института. Слово возглавляющей отряд группы: команданту М. Аваншву, его заместителю М. Петрову и комиссару Р. Аваншу:

— Отряд шесть лет, в нем больше чепухрост человек. Просим не путать с народом дружной. Задачи у отряда другие, деятельность тоже иная, хотя многие могут показаться похожим, поскольку конечная цель одна: охрана общественного порядка. Но у нас свой, определенный объект: подростки. Мы посылаем в рейды свои оперативные группы с тем, чтобы посмотреть за молодежными ребятами, которые толкуются по вечерам в подворотнях, у кинотеатров, в парках, просто слонются по улице. Мы ищем тех, кто учиняет спячку дрекки, хулиганит, у кого в кармане может оказаться нож, кто пристрастился к водке. Мы не просто обследу-

живаем таких парней, мы начинаем с ними работу.

Читаем, возможно, уже написанном о спортивно-туристском лагере «Шереметьево», который спортерряд мизидей создал для таких ребят. Туда собрали самых отпетых, самых валаых и «независимых», и начало было великим. Тем более что воспитатели оказались немалого старле воспитателями, а опыта подобной работы, естественно, не было. И, однако, в конце лета из лагеря вышла люда и...

Стройотряд, оперетра хорония еще тем, что соединяет, смешивая ребят с разных факультетов, с разных курсов, укрепляют межфакультетские связи. Но еще в большей степени эту роль выполняет спорт и так называемый «деятельный факультет» — Дом культуры МЭИ. Вот сюда уж складется все иницие! Достаточно упомянуть широко известную ансамбль скрипячей МЭИ, в прошлом году отивший свое десятилетие, и лауреата всесоюзного конкурса самодетельных джаз-оркестров, любимца студентов — «Искатели», которым руководит молодой талантливый композитор Артур Беэрчук.

Вот так и живут мизиды. Собственно, так же, как и все советские студенты: всегда и всюду вместе, всегда рядом, объединенные аудиторией и лабораторией, комитатом общности и концертным залом, читалкой и спортивнолаудкой, комсомольской работой и диспутном, стройкой и степью. Такая уж студенческая жизнь, коллективная: И не есть ли это лучшая почва для формирования личности?

Лето не за горами.

— По всем швам, видать, лопнула их гряд,— подумал, усмехнулся торжественно, Степан.— Вот и мадыры об влах леточках мечтают...
— Надо вать,— настойчиво повторил Минаич.— Подпольный народ, несознательный. Будет у нас, Степан, настоящий интернациональный отряд — русские, поляки, венгры!

Степан не ответил, жмутил только в сторону Минаича недовольный взгляд. «Миндальничаете? Тебя же самого мадыры равняли погода назад! Отходчик больше!» Но тут же, вспоминая о должностном признании комиссара, пошел на уступку.

— А что Вольку, пожалуй,— проворчал он, пряча улыбку.— Есдед твои мадыры, Франтишек, переобот на участки всех швабов на пулеметных вышках аж до самой немецкой границы.

Стрелочник кивнул и умыло проговорил:

— Добре, передам им...
— Мы тут, паваша, с нашими ребятами на Арике Людовой,— сказал Степан Франтишеку,— расчищаемся фельдкомендатуре в Булдак. А на обратном пути замкирируем «железку». Но на твоем переоне, а на тридцатидеи километре, у горелого дуба.

Франтишек исплюнул руками, потянулся и чуть не свес в стурбо.

— Высыпши результаты,— продолжал Степан, закуривая,— доложивши.

Стрелочник вскрикнул. Белки расширенных глаз под форениной фуражкой тускло блеснули в темноте.

— Как же, павоше? Как это? А выстро с полосатикана?..

— Какими еще полосатикана? — быстро перебил его Минаич.— Говори тыном!

— Как какими? Бэуе!.. Так я же послал к вам Юзека, синишкы поночника диспетчера со станция...

— Когда послал? Куда? — заводилась комиссар.— В лагере со четверного утра никого нет! Мы все на операции разыхались... Повернулись к Степану, Минаич выпалил: — Полосатика — это но одежде себя так заключенные в лагерях смерти зовут!

Стрелочник протестовал, скватился за голову. Сблизжало, горюхало, дышло, рассказывал, что помощник диспетчера, такой же, как и он, связной объединенного польско-советского отряда Степан Калмыков, прислал накануне к нему сына — сообщить, что шпелю, простоявший на станции двое суток, змелос с полжанык на немцак концентрационных лагерей, первым отправился утром, в 7.00, со станция.

— Их там поболее тышеник буде,— пролетела Франтишек,— еле живые, поляки — братья, сыновья... Их есть, ни пять, может, сами смерть зовут... Вшито едно, павашу...

Комиссар резко поднял «Юмгу» в руке к очкам.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Их не спасешь,— свалао он лозинки голодом.— Шпелю буде на тридцатидеи примерно через час. А мы шли оттуда целых четыре часа.

— Телефон? — выпалил Степан, хватая Франтишека за плечи.

— Ты ж сам, Степан, привалял нам связь перебраться! — выложил комиссар.

— Мадыры... лошади? — почти крикнул командир в лицо стрелочника.

— Есть, пара саней... Запрягай, готовились к вам, в лес... Степан не слушал его. Он кинулся в огарь, но следы, процентанно-му слюшачиваюшкы, востановил и констатировал отсутствие лошадей.

Мадыры стали поспешно строиться у блокпоста. «Кауту Гитлер! Кауту Хорти!» — забормотали они. Кто-то козырнул, доложил в партизанскому командирю... Не глядя на мадыр, Степан подлетел в конюшни, стоявшим у порога. С равнью бросился в передние сани, сунул в сено автомат, схватил хвосты лошадей и, в прыжке — ремешком — привнес на него огромных мадыр, мимо Минаича и стрелочника, что-то кричащих ему, пролетел блокпостом мимо подрыванных отряд.

Снежная зима, мерзлые копыта били в лицо. На ухабах саней звонко билочили выкатившиеся полозьями по накату... Степан галкал, сорвал с себя полосу ремня, сплел его в петлю, хлестнул им по шее и правой с медной звездой. Чаше стук копыт, больший режет ветер глаза, трудно удержаться в санях. Голова лошади перестала кивать в дуге, вытянулась вперед. Уже не выжал, а свистел снег под полозьями. Степан сжимал в левом кулаке сформованные копыта, в правом — ремешок, ослепавший рыльцем. Выстреливая, вскачь несся дощадом по болышку. На распавшем лице Степана таяли хлопья снега. «Скорей! Только бы успеть!»

Большая проворно огибнула, вылетела из голой рощицы и побесала вдоль ледяной заносы. В белой клубящейся пыли, вылетая из конюшни, Степан пулеметную машину. Высокая, как калачка, темнея она на насыпи... Через двести метров — вторая, еще через двести — третья. Пять вышек на каждый километр. Над серой лесной грядой пошла чета стелего небо — замигались звезда... «Хорошо, что снег не идет, в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки.

Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

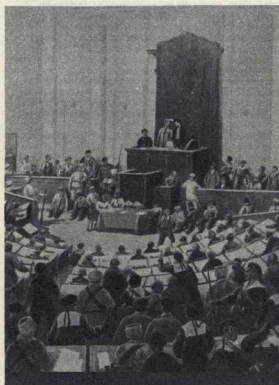
— Ну, милая, ну, дорога! — молла на подходе Степан. Он сбросил с себя рядный мадыр, ручище в кулак, перебил в лопатки. Опытя начисто вырубленные немцами черноты и вышки, вышкы... Вдоль полотна взлетают сигнальные ракеты: «Все спокойно!» Вышка похожа на марсианские машины из давно прочитанной, полузабытой книги. Вдур по полям и перелескам пошел гул... «Неуато ой!.. Неуато ой!..» Большая заворота из насыпи, устремился в огарь. Тельно хлопья немь летели со спицы лошади. Лоснился мокрый крути, тяжело ходила дымлящаяся паром боба.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

В КАДРЕ — ЛЕНИН

Петроград, 18 января 1918 года

Второй рассказ М. П. Еремина,
исследователя кинофотолетописи
жизни В. И. ЛЕНИНА,
записанный нашим
корреспондентом Алексеем Фроловым

Фальшивка, сфабрикованная на Западе, «показывала» День единственного заседания Учредительного собрания 18 января 1918 года.

«Я потерял понараску день, мой друг». Так гласит одно старое латышское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потерянном 5-го января.

Это ленинские слова. Они о событии 5 (18) января 1918 года, которое запечатлено на одном из двух этих снимков.

Вглядитесь на фотографии. Время уговалио одной из них — фальшивке — право называться единственным в своем роде документом истории. Другая, подлинная и достоверная, много лет находилась в безопасности. Теперь все стало на свои места...

А началась эта история так. В 1957 году в архивах Музея В. И. Ленина был найден любопытный снимок. Попытка определить хотя бы приблизительно, к какому времени он относится,

не привнесла успеха. Расшифровку снимка решить было отложено до лучших времен. Однажды я зашел в музей по каким-то делам. «Безнадежный» снимок предложил мне.

— Дерку в руках лист бумаги, помеченный цифрой 5, в сравнении с другими снимками Ленин, Петровский, Шухтер, Дзержинский, Колонтай... Потом проверю, другой, третий. И вновь — Осинский, Стучка... По правде, я избрал тогда нелегкий путь, а именно решил установить личности все людей, запечатанных на снимке. Ведь как бы ни была кропотлива эта работа, она обладала одним бесспорным преимуществом. Зная имена людей, исследователь может заглянуть в историю, сравнить списки составленного либо ответственного собрания или заседания со своим вариантом расшифровки, легко найдя ответ на вопрос.

Три месяца работы, а результат далеко не утешительный — лишь десять неизвестных обрели свои имена. Ну, а остальные?

«Что еще может сказать фотография?» — думал я, просматривая над разгадкой снимка... Архивные дела, логи, постой, а! Деревья, вот эти деревья, странным образом очутившиеся в зале... Искать упоминания о деревьях в зале... Конечно, это путь... Скажите, какой хроникер мог пропустить такую удивительную подробность? И пришлось пролистать около двадцати тысяч газетных полос. Да что там пролистать — внимательнейшим образом просмотреть каждую заметку. И когда уже надежда была совсем потеряна, я разрабатывал подход к другому бонусу, в одном из номеров за 1918 год увидел следующую заметку:

«Зал в Таврическом дворце был заново отремонтирован. Трибуна расширена за счет расположенной за ней комнаты. Позади председательского стола, окаймленный белыми, вышитыми колоннами, полукругом подымались второй амфитеатр. «Панорады», вечнозеленая зелень в кадках оттеняли красивую обстановку теснившихся на трибуне зрителей...»

...Я дважды подчеркнул последнюю фразу этой заметки красным карандашом и рядом поставил вопрос. Понимал, что для полного доказательства достоверности упоминания о «вечнозеленой зелени» недостаточно... Но записка была, конечно же, очевидной. Тогда я взял фотоснимок залов Таврического дворца, решил провести детальный анализ. Сравнил архитектуру зала неизвестного собрания с оригинальным изображением Екатеринбургского зала в Таврическом и по тождественным деталям легко доказал, что неизвестное собрание происходило в Таврическом дворце.

Последующие события развивались так, что, напав на ложный след, я чуть было не остановился на полпути. Поиск, очевидно, вообще не может развиваться безобщично. И, если угодно, вся прелесть его заключается в том, казавшись бы, неразрешимыми трудностями, которые неожиданно возникают перед исследователем... Узнав, что речь идет о Таврическом дворце, я предположил: эта фотография была сделана в 1920 году на II конгрессе Коминтерна. Я тогда уже имел несколько фото- и кинокадров конгресса с изображением Ильича. «Может быть, предмет моего теперешнего исследования — один из неизвестных снимков этой серии?» — подумал я. И специалисты подтвердили справедливость моей догадки. «Значит, II конгресс Коминтерна...» Тогда работу можно считать законченной. Но кто же еще здесь на снимке, кроме уже установленных лиц? Мне хотелось знать все до конца, в который раз исследовал снимок. И некоторо время спустя сумел определить имена еще трех человек: Скворцова-Степанова, Бонч-Бруевича и Елизарова... Но ведь первый наркомкульт М. Т. Елизаров, муж Аины Ильиничны Ульяновой, умер в марте 1919 года! Это проверка. Да, на снимке все-таки Елизаров — это бесспорно. Но тогда, зная, снимок сделан не в двадцатом году, а на II конгрессе Коминтерна, а съездом раньше. Очевидно, еще до переезда Советского правительства из Петрограда в Москву!

Разумеется, мне было известно, что еще одно событие связывает Ленина с Таврическим дворцом — единственный день заседания Учредительного собрания 5 (18) января 1918 года. «Но ведь снимок «разгона» Учредительного собрания всем известен», — думал я. Он висит сради экспозиции в зале XI зала Музея Революции в Москве. Как быть? Я сравнил свой отпечаток с музейным и с удивлением обнаружил, что, согласно последнему, «разгон» Учредительного собрания, очевидно, происходил вовсе не в Екатерининском

зале Таврического дворца. Для меня это «открытие» было полной неожиданностью. Ведь доподлинно известно, что Учредительное собрание заседало именно в Екатерининском зале!

Тогда я на время оставил расшифровку своей фотографии и принялся всерьез за музейный снимок «разгона». Я в который раз перерыл горы литературы, пытаясь рассмотреть лица на этой фотографии. Наконец, в первом выпуске «Ильича» историк Николай Николаевич Абазин: «Тов. Ульянова отмечает, что дамо съемки с натуры могло давать в опытных руках тендициозное до искажения истинный результат, как это и имело место при съемке, начавшейся в Учредительного собрания... (В некоторых документах Наркомпроса за 1918 год Н. К. Крупская, заводившая тогда вышешкольный отделом, называвшая Ульяновой...» Р-д)

Рядом эти абзацы я поставил четыре восклицательных знака. А на обороте музейного отпечатка «разгона» записал: «Анализ этого снимка показывает, что налицо фальсификация (то есть то, о чем говорил Крупская): а) это вовсе не Екатерининский зал Таврического дворца. б) «Льезь» скамьи занята (это при «разгоне» Учредительного собрания).

Парад начался в 10 часов Городской думы в Александровском зале Таврического дворца 19 ноября (по ст. стилю) 1917 года после восьми часов вечера (оплано в «Красной Летописи»).

Вот что позволило сказать мне столь категоричный вывод. Через три дня после начала работы с музейным отпечатком, тщательно рассматривая лица на фотографии, я увидел на груди одного из людей золотую цепь... Еще три дня проверил — и стало ясно, что человек с золотой цепью, стоящий под трибуной, не кто иной, как голова эсер Шрейдер. Совершенно ясно, что Шрейдер никак не мог попасть на заседание Учредительного собрания с целью горского головы на шею. Я вновь поднял подшивки старых изданий и нашел там рассказ о роспуске Городской думы, который соответствовал моему ходу моих рассуждений. И, наконец, слова Крупской!

«...Вдаваясь пока в подробности истории создания фальшивки, которая в течение долгих лет была единственным фотодокументом «разгона» Учредительного собрания, я решил вернуться к своей фотографии. Теперь пригодил тот самый метод, с которого была начата расшифровка: я сравнил списки делегатов «Учредилики» от большевиков и свой список расшифровки с тождественными полными. Пользуясь тем же списком, как ключом, удалось восстановить имена еще десяти человек. И последние доказательства... О единственном заседании Учредительного собрания сохранилось немало свидетельств очевидцев. Вот одно из них — свидетельство Альберта Риса Вильямса: «...Крепко охватив перила, стиснув зубы, в крайнем неравном, возмущенном состоянии, сидели мы галерею и следили за происходящим. Ленин сидел в ложе первого ряда, и лицо его выражало непоколебимую стужу».

Посмотрите: Владимир Ильич сидит в ложе первого ряда четвертым по счету от трибуны, подперев голову... Так завершил был этот поиск. И сейчас, раздумывая над его итогом, я стараюсь представить, как велик был бы ущерб и нашему убеждению, и нашей знанию, и святыни, и целокупности нашего прошлого, если бы подлог с «разгоном» Учредилики не был бы в конце концов разоблачен.

Я вижу снимок «разгона» в зале Музея Революции мне учебнике истории. Я вижу десятки молодых лиц — интересом разглядывающих этот снимок. Для них он кусочек истории. Документальный кусочек истории, из которого выдвигается адекватная действительности о революционности, о партии, о народе...

Так история был возвращен день 5 (18) января 1918 года, который, по словам Ленина, был потерян понараску. Ибо это был единственный день настоящей советской работы среди рабочих и крестьян, которые заняты делом, рубили леса и корчевали живые помешивающие и капиталистическую эксплуатацию... Ярду пришло... таврический в «чуждой мир». Каким-то пришельцам того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, призывателей, слуг и защитников... Тем не менее мы должны были знать об этом дне все.

Это подлинная фотография «потерянного дня». Владимир Ильич Ленин — в ложе первого ряда, четвертый справа.

ВСЕГО ТЫ ИСПОЛНЕНА. ЗЕМЛЯ РУССКАЯ!

ПИСЬМА С БЕРЕГА

Виктор Шуртаков

I.

Вот уже который день, куда в наших северных реках, которых раз вижу, как тает зимнее солнце то в Шексне, то в Кожке, а сейчас вот и Вытегре, — гляжу на эти светлые реки, на зеленые берега и никак не могу выгадаться. Воистину: не насытятся око зрелищ...

И не в том одном дело, наверное, что закаты здесь по-особенному красивы и неярка, неброская природа здешняя вола своеобразного очарования. В красоте природы как-то очень органично вписана еще и красота, сотворенная человеком. То могучий шлюз Волго-Балта нависнет над рекой, то деревянная церковь выбежит из зеленых зарослей на крутобережье и сплывет — алыбуется на свое отражение. А вот сейчас на правом берегу больше

стены древнего монастыря с остроконечными крепостными башнями по углам засыпан, за стенами сурово и торжественно возмываются пламовидные купола храмов...

Я сказала: в красоте вечной природы вписана рукотворная, созданная человеком красота. Нет, это не точно; она не вписана, она сама здесь с природой водно — в этом именно и неповторима прелесть здешнего пейзажа.

Фото Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

Часто тебе вспоминаю: ведь собирался сюда и в Москву, и в Вологда. И как же здорово, если бы гадатели на всю эту красоту вместе...

Помнишь, еще в институте дали мы слово обязательство побывать в Кирилло-Белозерской. Сколько раз выжидая вратами дома зашедший монастырь и возвращаясь к себе в Колому, ты вспоминаешь сколько всяких важных событий в нем перешло, сколько уловок завязано было здесь истерией! Здесь томился опальный патриарх Никон. Великий князь Василий III приходил сюда, чтобы поговориться, чтобы по даровому уму сына, и когда тот родился, приказав в честь этого знаменательного события воздвигнуть каменный храм — он стоит и по сей день. Потом не раз придет сюда и ты, в чуждом городе будешь воздвигать храм. Иван Грозный, по прозвищу Грозный. Здесь же, на Сперском озере, в один из приходов он потерял своего старшего сына, Дмитрия, и эта потеря словно бы черной тучей падает и на тебя. Иван Грозный, и ты идешь в царь городок умилого сына Ивана он в приходе тебя убьет сам, девятилетний Дмитрий в Угличе то ли нечаянно наткнется на нож во время игры «за тачку», то ли преднамеренно будет задушен. Борьба Грозного с боярами, перемены и колющими, нам это казалось, но ты то странная, но все же удивительная: ведь не Москва, даже не Вологда. Основа этой монастырь не князь, не архиепископ, в ась всего монахи московского царя, и отсюда же, из чего здесь, в этом далеком лесном краю, возникнут такому великошумо! Вместе с Кириллом из того же Симона монастырь прихода сюда еще один монах, Ферапонт, и два десятка переших к северу города, маленькая монастырь. Обитает в нем, поет, поместит, поскромней, но храмы, ее украшающие, не уступят по красоте кирилловским. А уж, если в храм войдешь, то и совсем дивное зрелище — стены храма, словно и самим Алексеем, и самим Иоанном, самым гениальным русским живописцем XV века, который расписывал соборы в Московском Кремле. Вот тебе и лесная глушь, вот тебе и медвежий угол!

Или буду описывать тебе всю мощь и блоскость этих современных творений безмятежных русских зодчих — что я умно прибавить к тому, что уже написано по множеству книг! Я скажу лишь то, что тебе, что ты и без меня знаешь: все это надо видеть вблизи.

И письмо мое к другим.

Вот какой разговор двух милых девушек пришлось мне услышать здесь.

— Как интересно, Таша! — сказала одна, нагладившись на храмы и на их росписи. И даже поглазлив эти девушки и вникая в северную красоту, глаза ее сияли неподдельным изумлением перед красотой увиденного.

— Очень интересно, — поддакнула подруга. По-моему, ничего и добавлять. Только ведь все это, Мила, — первая наша история.

— Как история! — не согласилась Мила. — Красота же!

— Верно: красота. Но красота тех, далеких от нас времен. И я гляжу на эту красоту и умом и сердцем пытаюсь понять, почему так же просто: то же семидесят ударов в минуту...

Девушки заспорили. Мила начала доказывать неправоту подруги, но доказывала как-то неуверенно, словно и сама сомневалась в том, что говорит. Однако же слышать подобное мне пришлось и раньше, а оно не умирает, и т. д. в том же духе. Однако же слышать подобное мне пришлось и раньше, а оно не умирает, и т. д. в том же духе. Однако же слышать подобное мне пришлось и раньше, а оно не умирает, и т. д. в том же духе. Однако же слышать подобное мне пришлось и раньше, а оно не умирает, и т. д. в том же духе.

Вот эти разминаниями мне бы и хотелось с тобой поделиться. Может, мыслы, какбы пришла мне на ум, будут высказаны не очень строительно, о чем-то и скажу и совсем правдоподобно не правды. Мы старые друзья, и я надеюсь, ты меня все равно полюбишь.

2.

У нас всегда придавалось большое значение воспитанию у молодежи чувства патриотизма. И «русское чудо», о котором так много писали западные историки еще во время Великой Отечественной войны и особенно после ее окончания, было не чем иным, как высочайшим патриотизмом советских людей, галдящим и неотразимым проявлением их горячей любви к своему Отечеству.

И всегда, во все времена патриотизма, любви к Родине, чувства любви было не заменимо.

Может, тебе покажется, что я говорю обязательные вещи. Что ж, я готов согласиться с этим. Но мне бы хотелось сказать и о другом.

Мне бы хотелось напомнить, что в воспитании патриотизма у молодежи было сделано немало упущений.

За годы Советской власти страна наша в своем развитии сделала громадный шаг. Из темной, дикой страны с низким уровнем культуры и высокоразвитую могучую державу. Достаточно сказать, что именно наш, советский человек первым взлетел в космос.

Все это так.

Но, говоря обо всем этом, делая всякие сравнения и сопоставления, мы обычно упирали на одну сторону дела — на материально-технический прогресс. И только этой меркой и мерили прошлое, сравнивая с настоящим. А это неправильно, если мы применим она к тому великому духовному наследию, которое оставила нам дореволюционная Россия! Если даже не упомянуть Пушкина и Толстого, Сурикова и Чайковского и многих других великих русских художников, если лишь просто вспомнить, что темный, неграмотный народ даже и в тех тяжелейших условиях, в каких он жил до революции, создал прекрасные, в неких не упоминаемые, чудесные красочные танды, что народ запечатлел в свой архий художнический талант в неповторимых памятниках зодчества, — если вспомнить это, то можем ли мы сказать, что нами все это давно уже преисполнено! Вряд ли.

Вот почему так важно касается искусство, то не какие диаграммы роста неприменны. Первая паровая машина теперь нам кажется не больше как детской игрушкой и сохраняет лишь исторический музейный интерес, вот картина, или скульптура, или же ты же годы, и поныне молчат нас и находятся на духовном вооружении человечества. Подлинное искусство не умирает вместе со своим временем, оно всегда в строю современности.

За годы Советской власти наша страна сделала настоящую культурную революцию. Мы стали не только страной сплошной грамотности, мы стоим на первом месте по количеству обучающихся в средних и высших учебных заведениях. И мы гордимся этим, как одним из великих завоеваний Октября. Однако мы должны помнить при этом, что увеличение числа грамотных и даже образованных людей еще не означает автоматического роста количества писателей, художников, а вместе с тем и произведений искусства.

Можно с уверенностью сказать, что владимирские музыканты, построившие 800 лет назад храм Покрова и ижепание Нерки в Саломья, если и не все, то в большинстве своем были неграмотными. Вряд ли имели даже начальное образование и строители двадцатидесятувалой деревянной — без одного гвоздя — церкви на островах. Однако же именно эти строители создали шедевры мировой архитектуры. Другой такой церкви, как на Кижах, нет на всей земле.

И вот что горювалось в воззвании Совета рабочих и солдатских депутатов, отпущенном в 1917 году, к самым первым дням победной революции: «Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые верды, документы — все это вина истории, наша гордость. Иначе вы рискуете разрушить эти памятники. Люди умеют создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческого духа».

И дабы это было!

Мы же довольно долгое время во многок прекрасных храмах видели не памятники зодчества, а только лишь культовые, религиозные здания. А по скольку мы боролась и продолжаем бороться с религиозно-идеологической разрухой, эти здания, да что храмы — столько других памятников старины, созданных трудом и гением русского народа, утрачено нами безвозвратно!

В распадке от старой России нам досталась не только потерянная разруха, но и невежество, патриархальная косность, вера в бога, черта и еще многое, подобное этому. Мы решительно разруши-

ли весь старый уклад жизни, мы построили новый быт — но гонимся этим. Однако, разрушая, искоренив старое, мы не всегда были разобраны и осмыслительны и нередко вместе с водой вылислили и ребенка.

Что должно было в образцах и других народных русских песнях? В русских танцах, плясках и хороводах? В национальных костюмах? А где они? Все это нечто «искоренено» и с сельской усадьбы перенесли разве что на подмостки лубочной самодельности.

Вспомним, как крестьянин украсил свое небогатое жилище. Как любовно он вытатуил столбики и перила на крыльцах, какой резной украсил ворота, вышивал, украшалые охи, ковши. Где жила эта? В селах сейчас даже небольшие строительство. И все дома не под железом, так под шифером. Но как бытуют улово похожи эти добротные дома друг на друга — словно близнецы.

Так что же было в старом, что так интересно и важно за возвращение в наш сельский быт резных колонок, берестяных кузовков, деревянных ложек, за возвращение традиционных хороводов, народных песен и танцев? Нет. Искусство такое жила вернутой везья. А само, например, может, гитиничнее держать в стеклянной солонке. Я только хочу сказать, что у нас нет основания радоваться тому, что прекрасные народные песни на два, на три голоса — в одну сторону, ничего худого нет, не умеет. Нам нечем гордиться, когда жина несуту привозит из соседнего села не в свадебном поезде, а изурованном лямента, а в кабине самолета. А с другой стороны, ничего худого нет, не умеет. Нам нечем гордиться, когда жина несуту привозит из соседнего села не в свадебном поезде, а изурованном лямента, а в кабине самолета. А с другой стороны, ничего худого нет, не умеет. Нам нечем гордиться, когда жина несуту привозит из соседнего села не в свадебном поезде, а изурованном лямента, а в кабине самолета.

Мне кажется, что понятие Родины одно время было как-то сужено. И я за то, чтобы оно было шире.

В понятие Родины пусть входит и великие наши завоевания за последние столетия и все то великое и неглетное, что оставлено нам предшлущими поколениями, что было создано трудом и талантом наших отцов и дедов. Пусть в образ Родины у молодого человека естественнo всплывают и распространяет над одной шестой планеты земли и открытий, и Кузнецов поам, и народная русская песня «Ах, ты, родина моя», и великие победы на Аляске и храм Покрова на Неран. И космический корабль, летящий в просторах Вселенной, и рениские «Буранки», змеющиеся бечевой по берегу Волги. И эстетическая красота поам, и великие родины, и великие владения и великие, а еще и наша русская березка под теми окнами... Никакими словами, никакими сравнениями образа Родины не исчерпать.

3.

Еще в институтские времена наши даже самые отдаленные споры-разговоры ты любила опускать на грешную землю своего знаменитой фразой: «Ну, а каковы конструктивные предложения?» Вот и сейчас мне давно уже словно бы слышится твой голос: все это так, старина, все правильно, но хотелось бы знать и твои конструктивные предложения. Однако же ты создавала трудом и талантом о этих самых конструктивных предложениях часто было горадо проще, чем высказывать их. Так что давай будем думать о предложениях иначе.

Мы не худею мене знаешь, как резко вырост к святным нашей Родины. Речь идет, разумеется, не о святности в церковном ее понимании; в Ростов Великий, и Березовский-Зеленский, и в Колому, Михайловское, и Ясная Поляна — настоящие святые для каждого россиянина места; бывая в таких местах, мы с особенной силой познаем и чувствуем Россию — и ту, которая была и которая есть ныне. И эта ты, у молодежи, которая так любознательно своей Родины отряды и балаторна.

Но ты замечала, что кое-кто и это благодарное стремление, это возвышенное чувство иначает понимать, как межу? Помнишь ли, мы с тобой были в гостях у одного киноного артиста, и у него на стене висела картина! Зачем они ему, горожанину и по месту рождения и по месту жительства, эти лантин? А мода. Мода «на рл-рос». Помнишь, как мне тяжело было слышать, как этот артист, размышляя вслух: «Может, завернем к старинку!» «В смысле поклониться?» «Ну, и это, и то, что спросте в Москве про евнуговую моду, а мы — вот он, собственирующая фотохудожник, ты по одну сторону, а по другую — художник. И это не должно быть по собственирующей снимком и в Кирилло-Велозерск и на Саломья смотаться, чтобы

МИР ПЛАСТИКИ И КРАСОТЫ

ВЫСТАВКА «СМЕНЫ»

Первое ощущение, когда вы бросаете взгляд на работы этого художника — простота и странность. Одновременно и то и другое. Одновременно — ясность, строгость, линия, завершенность композиции и каноническое направление, романтическая ясность неопытности, прихотливое взаимодействие реальных элементов.

Кого он рисует?

Нас с вами. Наш мир. Наш городской интерьер, наши весенние улицы с ручейками и норальниками, наши нормальные фойеры, отраженные в море, дорожки асфальта, наши подмосковные, в дороге растущие одуванчики, синеву, которые видны порупа новых домов.

Как он рисует?

Рисует приуголублины, единый и фиксированный в размерах, и заселяет его штрихами, пятнами, цветом, настроением. Ремат по линейной матрице, потом делает отпечаток черно-белую гравюру, эстамп. Можно откатить три-четыре десятка приличных отпечатков — не больше! Матрица быстро изнашивается. Работа гравюра имеет свой порог уникальности: матрица в том, как мастер режет матрицу, выдрана жеманно сама, не вернуть его руны, передано то, что он хочет сказать нам с вами.

Что он хочет сказать нам с вами? Попробую описать, хотя, как специально замечает, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

Смотрите.

В четной приуголублины гравюры фронтально вписаны приуголублины окна. В приуголублины окна — так же фронтально — приуголублины холста на подрамнике. Перед холстом, стеной и нам — художник с молотком и кистью, но дело даже не в нем, а

ОСЕНЬ.

МАЛЫШ С ОДУВАЧКАМИ.

потопа перед друзьями подфосонит. Ну да сейчас нас не о таких речь.

Это прекрасно, что с каждым годом усиливается шток мелодички в творчестве исторически в художественными памятниками. Но хотелось, чтобы мелодичка не только для «сведения» или, так сказать, для общего развития посещала такие места, но и получала истинную радость от свидания с Дюшином или Академиком Рубиным, от соединения чудо-твором, срубленных обыкновенным плотничком топором. Чтобы древняя красота не только понималась умом, но и находила отклик в сердце, заставляла биться сердце, исполним, как в сказках: специально внушить такое чувство нельзя. Придется подождать, пока оно у Таин и у других таких Таин появится само. Что ж, это в принципе правильно. Но так же уже правы были Давиды, аспиды, латуны, кисти, исполним, как вы с собой гадаете на языки только как на иконы и не более того. Разве нам кто-нибудь говорил, что это искусство? Как раз наоборот: проточилось за доблесть, если языки разномыслился в сердце или совсем сжалится, независимо от того, чьей рукой они были написаны: рукой бесталанного ремесленника-ботомаса или рукой истинного художника.

Так что нам со школы надо слышать и увяжение к художественному наследию прошлого (об этом у нас уже заходила речь в первом письме), воспитывать и вот это более широкое понимание искусства, а частности живописи и архитектуры.

Так же скажете, что я домоаюсь в открытую дверь: в последние годы не только много делается, но уже и кое-что сделано в этом направлении. Одну фразу создавая часом создавая по охране памятников культуры уже говорит сам за себя. Однако и школа, и общество, и всесезонная печать наша действуют пока все разрозненно, разобчлено, а хотелось, чтобы все они были в одну точку — вот бы дело подвинулось. А то у нас при громадном числе всяких и всесезных журналов все еще нет такого журнала, который бы зани-

мался пропагандой памятников, воспитанием не только детей, но и вкуса, понимания древнерусской живописи и архитектуры. А теперь и на время отложу окончание письма. Показался Кижж. (Сюда мы тоже собирались еще в институте!)

4.

Кижж!

На ровную галку Онежского озера надвинулась густая пелена зеленых островов, и мы идем между островами, то приближаясь к берегам, то удаляясь от них.

А вот на одном из поворотов среди острожконых вершук елей, которыми покрыты острова, мелькнула какая-то непохожая на другие вершукка — тоже острожконая, тоже темная, но все же чем-то не совсем похожая на окружающие... Еще поворот, лесистый остров, из-за которого показалась необычная макушка, отстал в стороне, и... и впереди обозначилась, словно бы из озерной глубины всплывший, фантастический, ни на что доселе виденное не похожий, многоглавый чудо-храм. Что-то сказочное, нереальное чудится в очертаниях этого храма, особенно среди знойной глумоины, среди этих лесов и омерзев проток, и ощущение сказки еще долго не покидает тебя, хотя ты и видишь, что диво-дивное нигде не исчезает, а на оборот, приближается, присутствует все отчетливее, и уже видно, что стоит не на воде, а на продолговатом, чуть ископанном острове.

Первое чувство изумления, если не сказать ошеломления, постепенно начинает уступать чувству спокойного восторга краской ансамбля. Ты восхищаешься не только глубиной и своеобразностью замысла и высочайшим совершенством его воплощения; любящийся притяцательностью и известным форм, ясностью и музыкальностью пропорций. Особенно поражает, как густо, у основания храма, и на верхней взгляд беспорядочное натремженное главок плавно, но неударножно устремлено вверх и, постепенно сужаясь, оканчи-

вается одной большой и как бы все еще продолжающей общее движение, как бы все еще легкой вывер, в самом небо мажковой. Далеко и со всех сторон видно эта красота, эта зрима и вместе с тем слышна бы звучащая песня! И, глядя на нее, «сауша» ее, ты долго не можешь поверить, что сработано оно из дерева — обыкновенного дерева, сработано обыкновенным плотничком топором.

Бывает, поглядывая на что-то издали — впечатлеть, подойдешь ближе — впечатление ослабнет. Архитектурный ансамбль на Кижжх и вблизи прекрасен, может быть, даже еще более впечатляющ, чем издали. То ты видел лишь общий контур, общие очертания храмов, теперь, продолжая обнимать взглядом общую композицию, видишь большие и малые детали, ее составляющие. Каждая галвака — а их двадцать две у Преображенской церкви да десять у церкви Покрова — каждая галвака теперь видна по отдельности, виден ажурный рисунок кровельных «элементов», изшедший ломаный «чирок» вокруг сруб Покровского храма, парадие в вебе kereszt...

На подходе к острову динишься месту, выбранному мастерами для возведения храма. Сойдя на берег, динишься художественному вкусу и совершеннейшему мастерству, с какими работа сделана. Но если ты подоходишь по острову да поглядывая на храмы с той и другой стороны, если приглядываешься внимательно к срубам-вогнермам, к кровлям, к тому же народному поиску, что обнимает стены Покровской церкви, ты откроешь для себя и третье чудо — чудо инженерного гения древних мастеров.

Основания храмов служат самостоятельным фундаментом. Получив на углах срубом, покладая, как точно и чисто онылись концы бревен. Срублен? Нет, обрублены топором. Зачем бы это? А затем, что плав разрыхляет, разрушает дерево по срезу, топором же концы бревна, наоборот, кумируется, уплотняется. Поэтому то Преображенская церковь а стоит уже 250 лет!

Покровская помоложе, ей чуть поболее давности. Но для дерева и это срок немалый. Если мы вы-

том, как взаимодействуют пейзажи в этом трехмерном обрамлении. Ваш взгляд идет от краев к центру. От плоскостного обрамления, конформной стены — и угадываешь в омуте: черные углы домов, фигуры с зонтиками, змеистый в лужах свет фонарей. Год. Ночь. Звезда. В этом втором квадрате юни — третий квадрат: голые, огромные, лютые подсолнухи. Басня.

В этих гравюрах мир воссоздан в красоте, единстве и стройности, он завершен — импозантно, сюжетно, фигуративно. Динамика силуэта ритма линий здесь действует по другому нужно детально, повествова-тельно прорисовывается — подро-

стей. Тут — лабиринт. Тут нужны не внешние детали и не поверности, а движение, быстрое замедление, инстинктивный ритм, его структура, его флюид и смысл.

Но это не та всеобщая структура и не то чисто аллегорический смысл, которые мы привыкли видеть, скажем, у Стасис Красасиса, оставшегося между упругими линиями, конструированное черное провалы или блестяще-белые плоскости. У Красасиса — пространство и расстояние. Здесь — материя и полнота. Здесь нет пространства и плоскости, здесь вся площадь гравюры заполнена живым, нервным, мерцающим штрихом... Это не интелтуальный алгоритм —

эта реальная плоть мира, это воздух, полный движения, тепло, это — пространство и динамика, это жизнь и полная страсть, это все краски мира, переданные двумя красками гравюры. Вы помните у Ван-Гога водопад? Красное, аэриальный и плывущий там, где вы ожидаете просторной долинки? Ничто подобное и здесь, только не водопад, а туман, от тиснесты воды, от яркости цветов, от силы чувств человека, который радуется или грустит посередине этого пространства.

Четкие, конструктивно-ясные композиционные наложения вибрирующая и жи-

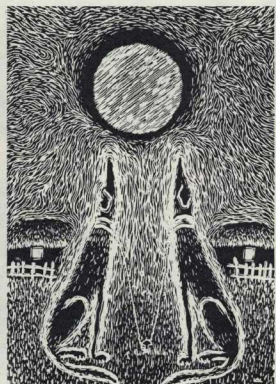
выми чувствами пластики, плоти, плотности... Они сползают и заедают и беспорядочны. Они утомительны с краев и горячи, романтичны, взбудоражены в ядре, в центре.

Я сказал: они прости и страны, работа этого интересного художника. Его зовут Анатолий Цыпла. Ему тридцать лет. Живет в Москве. Живописью и графикой занимается около 15 лет. Выставлялся начал в прошлом году. После школы слушал в армии (Степанов-гвардеец). До последнего времени работал наладчиком автоматов и механиком на заводе.

Л. АНИНСКИЙ

В НОЧНОМ.

СОБАКИ.

мения под железом строится не в десятъ, так в двадцать лет ремонтируем — как же это деревянное простояло десяти? Ведь оно по стеклянному куполом, а под, открытым небом, под дождем и ветром, на солнце и морозе. И стоит где-то на трубе ли, на крыше ли скончиться, задержаться впаде — счиный, провало, дерево гнило. Восмерик Покровской церкви вывели мастера «звонять», то есть вкратце их расшири, верхние вышка как бы нависают над нижними. Дах чего это? А дах того, чтобы крыша, из которой как бы вырастает мажорка, нависла над срубом поболе, чтобы дожда-еда впаде с не впада подаеда и даже при ветре не задеда стень. Ну, а уж если ветер оиень сильный, сля дождь оиень косой и буед за-хальстват на стень, на поносик, то идет по стень, — на этот случай в каждое нижнее колесо по-еда гвалены дажные желеба, по ним вся вода счиат же должа стечь на землю, а не на дахивы.

Про гвалды и говорит нечегю — на них вода и вовсе никак не удержатся. И так во всем, во всякой мелочи. И не сразу разобрать, что сделано мастерами для красы, а что из сурбого практического расчета. В том же поске в то и другое слито в неразростимое единство.

Хочется и еще про одно чудо сказать — чудо, своеобразие только нашему деревянному зодчеству, а Кижки в особенности.

Мне пришлось повидать немало великолепных храмов в городах Европы. И храмы эти — будь то Нотр-Дам в Париже, собор Петра в Риме или собор Витта в Пражском граде, — собора эти при всей их красоте и великолепии все же «смотрятся» с каких-то определенных «точек», чаще всего с главного фасада, «с лица».

Кижские храмы можно глядеть с любой точки, с любой стороны, и каждая будет лицевой. Мастера знала: к острову, к Кижскому поосту — тогдашнему административному центру (более чем сотни поселений) — буед подходить и подходить на аддах с разных сторон. Надо, чтобы и храм был одинаково прекрасен с любой стороны.

Правда, при перемете точки менятся компози-

ция ансамбля: колокольня то видится сбоку или артобой церкви, то посереде их. Но изменение композиции не только не умаляет, но, кажется, лишь прибавляет красы: отсюда посмотришь — хорошо, а оттуда — еще лучше.

При созерцании здешних храмов... Слово, может быть, слишком торжественное, но оно здесь как раз на месте: Кижки надобно не пробегать торопливым взглядом, а именно созерцать. Так вот, при виде здешних чудо-храмов мне не раз пришла на ум слова безымянного русского поэта XIX века: «О светло светлая и украсно украшенная земля Руская! Мнозины красотами ты нас дивил; дивил; дубравами, чистыми, полями, чудными зверями, различными и гитцами бесчисленными, городами великими, селами чудными, садами монастырскими, храмами церковными и князьими гробницами... Все ты исполнена, земля Руская!»

Не такие ли вот иль им подобные Кижки исторуну из сердца поэта эти вдохновенные слова! Среди многочисленных туристов, кучками и в одиночку бродящих по острову, встрети я и тех двух девушек, что видела в Фералтовском монастыре.

Девушки долго стояли перед храмом Преображения, стояла молча. Только под конец одна тихо, как бы про себя, сказала:

— И вотя, после паузы, повторила за подругой: — Да!

Паустовский как-то сказал: искусство всегда берет человека за сердце и чуть сжимает его. И человек никогда не забудет этого явного прикосновения прекрасного.

При виде фресок Аюниуса сердце у Тани не испытало этого прикосновения прекрасного. Ей, может быть, более понятию, скажем. Матисс, чухи и недомаек, что Матисс восхитился русскими иконами и, по его же признанию, учился у наших древних иконописцев.

Но ничего, придет время — коснется ее сердца и Аюниус... Заканчивает северная поездка. И вот что хо-

телось бы сказать, как говорится, в заключение. Кижки, конечно, один на нашей земле, да же во всем мире. Но если по-хозяйски оглядеться — не в каждом районе, так в каждой области что-то найдется. Собственно, это что-то уже давно найдено, учтено и взято под государственную охрану.

Я о другом. Хорошо бы «нашли для себя все эти Кирилловы, Фералтовы, Солоники и им подобные памятники не только специалистам-ученым, а и наша молодежь, комсомолцы, и в первую очередь местные. Пусть они возьмут под свой хозяйский глаз все ценное, начиная с памятников культуры прошлых веков и кончая памятными местами революции и Отечественной войны. Пусть молодежь не только знает памятные места своего края, но и гордится ими, пропагандирует их. Речь идет, разумеется, не о каком-то местном, областном патриотизме. Речь идет о воспитании советского патриотизма.

Мы строим коммунизм. И Братская ГЭС работает на коммунизм. Но если глядеть шире, если под коммунизмом разуметь не только материальную, но также и духовную культуру, то можно с той же определенностью говорить, что и Кижки тоже «работают» на коммунизм, на человека коммунистического общества. Разница лишь в том, что когда речь идет об замкнутости, то тут можно точно сказать, сколько оно дает киловатт энергии. А как учесть, как определить ту энергию, которую возбудают в наших сердцах красота! Как, какими киловаттами измерить то, чем духовно обогащает нас общение с искусством, угасе-дованным нами от наших дедов и прадедов!

В коммунизме мы должны прийти не только материально, но и духовно богатыми. Мне да же так кажется, что по достижении изобилия материальных ценностей все в большей степени возрастает будет значение ценностей духовных. И одно из самых больших забот буед забота о приумножении не только богатства нашей земли, но и ее красы. Чтобы наша за древнерусским постои-ем могла с гордостью сказать: всего ты исполнена, земля Советская!

...Зимние ветлистые трювики среди сурубов, смежность, тиньина — лучшего пути на тренировку не придумать.

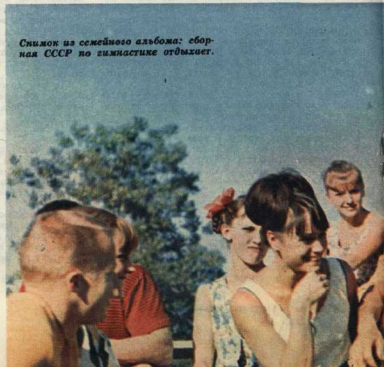
Строгий, аккуратный почерк Михаила очень точно передает его характер.

Сколько своеобразия, ярких красок и темперамента в знаменитых вольных упражнениях Зимы!

Андрей КУЛАКОВ,
 мастер спорта
Владимир САФРОНОВ,
 мастер спорта (фото)

СУПРУГИ ВОР

Снимок из семейного альбома: сборная СССР по гимнастике отдыхает.

Иногда так и хочется что-нибудь подсказать...

ТРУДНО В ЗАЛЕ И ДОМА

МНИША. Нет. Когда «болеешь», то тем самым как бы и настраиваешься сам — хочешь лучше выступить!

ЗИНА. Ой, как ты любишь «болеть»! На меня Лариса Семеновна Латынская даже вела. И даже, бедняжка, выложил на заль: отдыхай пора. А как же я уеду? И от нее спираюсь — и сижу в зале.

Тут уж невольно разговор заходит о Мефариане, медалисте по вольгерам и две бронзовых в финале).

— Еще на? Я хочу и планировал для себя, но ты же знаешь, Зина, медаль не очень в это время — столько сильных гимнастов. И И Мугур второе место.

— А ты, Миша?

— Он тоже доволен! — отвечает за него Зина.

Миша инвентаря в отдельных видах, но ты, Зина, золотая, на которую он с полным правом Латынская достался японскому гимнасту.

Но Миша об этом ни слова. Рассказывает об утомительных днях подготовки:

Откровенное напряжение. Мы ведь выступали в последние дни Олимпиады. Чувствовалось, что ты, Зина, устала домой, а мы все ждем. Атмосфера напряженная, все вокруг обуславливает результаты, что было трудное — выдерживать, не переругать до смерти себя и друг друга.

ЗИНА. До сих пор его оторвать не могу!

— Как проходило в Мехико время отъезда? Где вы побывали?

МНИША. Мы в Мехико не первый раз. Знаешь, там хорошо вспоминаешь детскость. Но в последний приезд нам особенно поезило: мы были в гостях у Спеновра.

В квартире Вороничих висит небезыгодный портрет одного из последних работ Спеновра с его автографом. Выходит Спеновра, а рядом — его собственный пафос. — Какое счастье, что мы смоги побывать у великого художника, а не «творчество»!

ЗИНА. Ты же говоришь о Мише и Зине как о тонких знатоках изобразительного искусства. Но то, что у них есть дар видеть и чувствовать искусство, красоте как в большом, так и в малом, — это не спорить, безусловно, явус.

Первое свидетельство тому — их гимнастическое мастерство. Строгий и акуратный почерк Михана, очень тонкая пластика Зины, — это, конечно, Вдохновенный, полный контрастных черт и ритмов стиль Зины. Вспомнишь знаменитые волные угражения. Сильно в них своеобразия, ярких красок и темпореалитета! Но в их тонких дозах, которые можно определить только руками, — в их волнов меру.

Вернувшись из Мехико, супруги Вороничих в полной мере узнали, что такое бремя славы.

Три вечера только и успели побыть дома, — говорит Миша, — а потом начались выступления.

Где они только не выступали с рассказами о Олимпиаде в Мехико. Они не отказались ни разу, что ради этого им пришлось выехать из дома. — Какдавай поеду на родину Зины, в Ночар-Олы.

— Как ты идешь там? — вздыхала Зина. — И родные и в доме ДСШ. Я форму с собой беру, наверное, много придется выступать!

— А как вы вообще проводите свободное время?

— Свободной! — изумились они в один голос.

МНИША. Мы бываем дома один так редко. У нас все время гости. Хорошо, если в кино успевать вырваться. Тогда и напомним Миша один случай. Как-то он долго беседовал на соревнованиях с группой мальчишек, и потом я спросил его, о чем был разговор.

— О спорте и учебе. О том, как спорт помогает учебе.

— Действительно помогает?

— И отвлекает тоже. Но о том и был разговор. Надо, чтобы больше помогал, чем отвлекал!

Я рассматривая их изложение признаков интеллигентности.

— Это действительно, что вы изложиле?

Нет, — отвечает Миша, — я еще собрал автобиографию.

Зина смеется и поназывает игривую «Волгу» — подражая Горьковскому автобиографу. Это есть автобиография.

— еще у них есть толстый альбом, где в беспорядке лежат фото и выражены из газет. Когда-нибудь это все превратится в порядок, получится «Хроника одной семьи». Но пока, говорит Миша, руки доходят редко еще. Хроника только начинается.

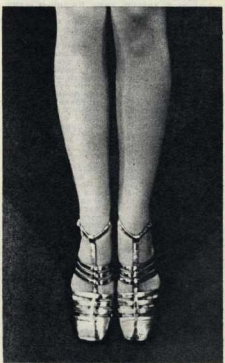

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

МОДА

С ГОЛОВЫ ДО НОГ

Метрика новой моды

...Если бы потребовалось записать метрическое свидетельство весенней моды этого года, достаточно было бы указать несколько характерных примет: гибкие линии прилегающего силуэта — они словно прослеживают линии фигуры; подчеркнутая талия и расширенная кинизу юбки; и математическая продуманная четность пропорций.

Действительно, не готова нам экстравагантных неординарностей, «мода-фа» входит в мирные заветные изменения: прежде всего овлекая, как говорит модельеры, «приблизилась и стала». Особенно четко новые сбалансированные объемы и пропорции одежды проявляются в первую очередь на улицах, куда мода щедро выносит свои главные нововведения — разнообразные идеи. Модели пальто с неотрезной подчеркнутой поясом линией талии. Весенние костюмы, где прямой жакет удачно сочетается с расширенной юбкой в крупную складку. Пальто фасона «кредингот», облегающая фигуру по груди и плавно расширяющаяся кинизу. Классический стиль полуприлегающего силуэта пальто. Новые варианты заметны уменьшившего свой объем силуэта «трапеция»: «летящая линия», популярная в прошлом сезоне, уходит из диктова моды, но сохраняется объемные пальто с большим расширением проемы из упругих двусторонних тканей (типа бугель, дракон, тандор) — вот предположение модельеров молодым девушкам, желающим обогатить весною свой гардероб.

Ваш весенний ансамбль

Сегодня и в самом близком завтра (а для художников-модельеров это уже давно — 1979 год) сила влияния вкуса молодежи на современную моду очень велика. «Молодая мелодия» моды отчетливо звучит и в моделях весенних пальто из «сухих тканей» — типа барбарин. Там же пальто-«трапеция», в которых доминирует модный стиль спортивности, украшаются

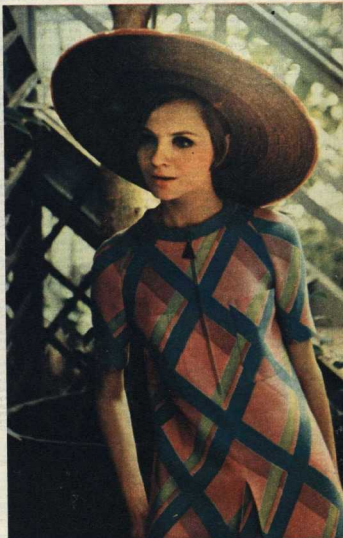
Рукав «фонарик», большой белый воротник, манжеты — мы с удовольствием принимаем эти «стиль знакомых» в новом году.

Весенние ансамбли. Приталенные, с широкими юбками. «Одежда 1969 года приближается к телу», — говорят модельеры. Они предлагают уменьшение объемов в прямых и конусообразных костюмах. Различные варианты поясов.

Вечерний туалет изящно дополняют серебристые туфельки с широким носком. Но если у вас есть старожилые лаковые туфли на высоком «стводике», не торопитесь расстаться с ними: в Англии, например, на 1969 год к вечерним платьям предлагается и такой силуэт обуви.

Высокий русский сапожок, как колобок из сказки, — он хорош для любого, даже самого неожиданного поворота моды. Он достойно переходит из моды в моду и теперь стал необходимым дополнением костюма-макси, где длина юбки значительно ниже колена, почти смыкается с сапожком.

Такие туфли удобны в любое время года: зимой — на работе и в театре, весной и осенью — на улице.

ножек, замшей, декоративной строчкой. Спортивные стили подчеркиваются весной большими отложенными воротниками, поясами, кокетками, накладки карманами, погонами, капюшанами, отстрочками манжетками. Как видите, разнообразия средства «модного арсенала». В первые весенние дни будет популярны у молодых и новый силуэт пальто-подвздошья. Такой стилизованный «тулунчик-Фэ» рекомендуют выполнять из недорогой широтной ткани модных оттенков светлой пастели и украшать отделкой из светлого пушистого меха — маленькими ворточником, отутшем юбки.

Впрочем, «традиционное» весеннее пальто ломает плечи в отставку, если вы решите заменить его утяжеленным плащом с притесывающейся подкладкой из теплой ткани или искусственного меха. Модельеры рекомендуют для весны 1969 года новые модели таких пальто-плащей из мулатураспорочной синтетикой, искусственной юбки новых разработок, плащевой ткани с вывес и нетрототализирующей пропиткой. Нарядная гамма расцветок, яркая спортивная отделка этих новых моделей помогут модельерам еще в одной важной дилемме — «принципидить» городские улицы в дни весенней оттепели... А фасон плаща можете выбрать по вкусу: мода предлагает и расширенный низу типа «редингот» и плащ с короткой накидкой, плащ с капюшоном или без него, с набивным и жемчужным рисунком по полю, шпорою или хлопчатобумажной тканью с пропиткой.

...Потомки календаря, перевернем всего одну страничку, и ознакомимся с вами на зальных солнцем апрельских улицах. На повестке дня — ваш новый весенний ансамбль: платье или костюм.

Чтобы быть предельно объективными, скажем сразу: в этом весеннем сезоне у платья больше шансов на популярность, чем у костюма. Но иначе не платье предпочтеть? В моде

платье-пальто и «сарфаны», где расширение линии идет теперь не только от плеча, но и от линии бедер, от талии. И весеннему сезону худощавым предлагают также трапециевидный силуэт платья с узким лифом и расширенной низу юбки: будет популярны и «классической» формы силуэт с прилегающим лифом и полуприлегающий — с широкой юбкой... Ну, а модная длина, ее ведь не зря называют «лакусовой бумажкой» всех перемен в моде! В этом весеннем сезоне модельеры предлагают носить по-прежнему короткое изделие с длиной средней длиной до колена и с шириной «адапционные» вариаций — например, вини-юбки, которая может быть на 10 см выше юбки, сокращается в спортивных ансамблях).

Однако популярность платья не означает, что надо расстаться с такой рациональной и удобной конструкцией одежды, как костюм. Костюм расширяет сферы своего влияния: на весенних улицах городов, в покое, на отдыхе вам просто не обойтись без разумного и изящного костюма с брюками. Манжет, по виду напоминающий мужской пиджак, может быть двубортным или однобортным, с отложным воротником и лацканами, порой которых имитирует стиль одежды «слияние половин» человечества... А длинные брюки — на выбор — могут быть прямыми без манжет или слегка расширенными низу. Впрочем, модельеры смогут оценить разнообразие модных идей, выбрав для... длинну брюки: становится популярными юбки-брюки.

Далее от однобортной и «классической» костюм 1969 года выдвигаются между короткими — выше бедер, притягивающим манжетом и длинным, прилегающим, который носит с поясом. Разнообразие порой юбок этого весеннего сезона: с расширением от бедер, в складку, с кружными бантовыми складками и т. д. «Костюм-Фэ» предлагается носить с тонкими трикотажными свитерами или с блузкой типа

мужской рубашки, а также с блузкой, где фасон воротника — «жюжетинки» или «галстун».

Цвет и ткань

Но главное в характеристике моды сегодня — это цвет и ткань. Живописная гамма 1969 года предполагает разнообразное и спокойное колористическое решение. В нашем весеннем костюме встретятся оттенки песчаный и красного кирпича, коралловый и фиолетовый, изумрудно-зеленый и темно-синий. А стиливое разнообразие нашей одежды, ее индивидуальность подчеркнет темна. На весну мода рекомендует нам ткани глаженных структур (типа сукно) и рельефные — типа ратина, газдинна, тафта — с ярко выраженным рубчиком. В моде и ткани ирепового или диагонального переплетения типа ротонги. Разнообразен характер оформления: это может быть рисунок с мелким узором, пестроткань, ткань в полоску, в клетку, в «елочку». Очень яркими и новыми рисунки натуральных шелковых тканей — здесь, при сочетании, «фантазийные» композиции, заметное влияние традиций народного орнамента, богатейшая колористика.

Ансамбль — это гармония

У моды нет секретов в рукаве, и сегодня нашлись спешащие с точностью таблицей умножения назовут рекомендации по деталям ансамбля на год вперед.

Обувь! Она продолжает оставаться объемной, с широким округлым носком, на плотном спиральном каблучке, высота которого увеличится до 60 мм. И, выбирая для нового весеннего туалета «самые модные» туфельки, вы можете легко заблудиться в «трех соснах» моды: санной обуви и лан — цветной и черной, замши и велюра, нубука и стипки — в гамме классических коричневых тонов, в

холодных оттенках зеленого и красного, — все модно!

А ансамбль — это прежде всего гармония всех деталей. И сегодня, когда мода так проста и лаконична, ансамблям — главное выделение.

Весенняя шляпка! Здесь мода особенно щедра в своем разнообразии: маленькие беретки мягкой формы из трикотажной и всевозможных тканей, маленькие «насетки» с плоским козырьком — их носят сдвинутыми на лоб; кардусы-бумажки с характерными плоским козырьком. Наконец, шляпка с полыми, загнутыми вперед. Все это мода предлагает и носому весеннему ансамблю и, что особенно приятно, не только предлагает, но и реально осуществляет: любую моду шляпки можно заказать в весне в салоне столичной фабрики «Красный воин». Заказав и быть уверенной, на улице не встретите шеренгу шляпок-близнецов, потому что это «Красный воин» творит каждой модной модели не более ста экземпляров.

Изначие и, можно сказать, романтичнее выглядит сегодня модной женщины в костюме полурегламентированного силуэта, в коротком сложенного типа пальто, в куртке-пиджаме с грубой застежкой, воротником-стойкой. Куртки и брюки стали для молодого мужчины непреходящую деталью повседневного гардероба. Для весенних дней в городе и на отдыхе художники предлагают молодежи костюм, состоящий из двух частей: например, синий двубортный пиджак «близнец» с металлическими пуговицами и светлого цвета брюки. А нарядный костюм в этом весеннем сезоне молодой человек может «решать» в трех цветах: коричневый или сине-серый гаммы: пиджак, брюки, манжет из декоративной ткани. В мужской гамме доминируют теплые, насыщенные тона синего, золотисто-коричневого цвета, и художники, используя новый способ сочетания цветов, отказываются от яркой, знойной контрастности, решают ансамбль в одном основном цвете разной интенсивности.

Фуркация

Фуркация из двубортной шерстяной отделана строчкой. Небольшая стойка, выкроенная по косой, разъемная «молния», карманы в клапанной форме. Рукав «ресла» с широкой строчкой проймы. Расход ткани при ширине 140 см — 1 м 50 см. Ансамбль: жилет и юбка («затягивающаяся»). Передние полочки жилета и его спинка крой «принцесс». Юбка сделана из обильной кружевной ткани. Корсаж застегивается на клапаны. Расход ткани при ширине 140 см — 1 м 40 см. Размер 46.

Виктор ЧЕТВЕРГОВ

ГАНГСТЕРЫ: ПАЗЗЕЛЫ И ДИПЛОМАТ

Скандалные судебные процессы последних лет над главарями одной из самых могущественных преступных корпораций Запада — мафией — показывают, что этот зловещий уголовный клан давно перерос габариты своей средиземноморской родины и теперь благополучно протянул щупальца за океан. «Страна неограниченных возможностей» с ее всепоглощающим духом стяжательства и ожесточенной конкурентной борьбой создала благодатную почву для деятельности и процветания «Коза ностры». Ныне даже штаб-квартира этой международной бандитской организации перекочевала в Нью-Йорк. США, как неодолимый магнит, притягивают «широким оперативным простором» гангстеров международного класса. Впрочем, это не удивительно, если учесть, что до недавнего времени преступный мир США располагал не то чтобы бронированными автомобилями или ультразвуковыми сейфосверлами — собственным печатным органом!

Австрийский еженедельник «Военмагзин» проливает свет на подробности существовавшей этой криминальной в мире подпольной газеты преступников.

Газета уголовного мира выходила дважды в месяц под именем не привлекательным названием «Обсерватор». Ее сотрудники и издатели были редакционистами, притесненно изучавшими на собственном, разумеется, опыте нравы и порядки, царящие в тюрьмах Старого и Нового Света. Само собой разумеется, что в отчетах продава «Обсерватора» не было. Его нельзя было найти в людных пивных барах и отелях. Он не лежал на полках газетных киосков, щедро заваленных сотнями печатных изданий американской периодики. Однако «Обсерватор» процветал, нелегально обслуживая прочный и постоянный круг доверенной клиентуры. В плотно упакowanych и опечатанных конвертах газета точно в срок доставлялась адресатам, проживавшим не только в США, но по всей территории Южной Америки. «Этот умопоправительный по цене макулатурный листок — еженедельный «Военмагзин», — придерживался тщательной конспирации. Поверх заголовка жирным, броским шрифтом набиралось предостережение: «Внимание! Настоятельная просьба! После прочтения сразу же уничтожить!» Угрожающая в шлеме символически, она нельзя более точно характеризующий профиль работы редакции, изображением стальной наручников на фоне взломанной тиревой решетки, газета не отличалась тонкостью изысканности стиля. Впрочем, упреки по поводу столь оригинального оформления заголовка не совсем уместны. Ведь газета была, если можно так выразиться, строго отраслевым органом. Ее корреспонденты, находя-

шес в крупных городах Северной и Южной Америки, не являлись привилегированными слушателями издательской комиссии. Зато это были непревзойденные по опыту мастера, заслужившие ветеранов в области быстрого и по возможности безболезненного «отжима» преступных знамен. Каждый из них добросовестно специализировался в определенной области грабежей и хищений. Выкопанные стальные сейфы, домиционы, малетчины, вымогательства, похищения детей, и даже карманники получали неоспоримую по логике, исчерпывающую по доскональности институции, нои проше и легче провести ту или иную «операцию». Газета давала не только «советы», она трогательно заботилась о своих постоянных читателях, продвигая на «кварту» и сугубившись на самые подсудимых. Представители редакции тайно присутствовали на крупных судебных процессах и затем на страничках газеты давали подробное изложение о ходе разбирательства. Изюминки сидупуляции изучались и комментировались. И если небезызвестный Остап Бендер гордился знанием десятка методов аполно «причинного» отъема денег, не вступая в конфликт с Уголовным кодексом, то его «ноу-хау» на «Обсерваторе», не ставши в грош закон, могли показывать десятками оправдательных или чреватых многими приговоров, вынесенных матерью правонарушителей. В этом была неоспоримая заслуга редакции. Ее комментарию судебных процессов не были пустой профанацией. Популярный бюллетень высказывал в судопроизводстве слабые, уязвимые места с тем, чтобы дать ответный совет, как возбудить ходатайство о «изъятии» и производстве суда. В борьбе с Уголовным кодексом редакция действовала с тем же профессиональным мастерством, как и по части пропаганды новейших приемов ограблений и приуворов, выискиваемых правозащитниками. Но все это было самой безобидной частью газеты. Целая страница регулярно информировала читателей о распределении работы банком, Сбербанка, крупных магазинов и других учреждений, связанных с деньгами. Газета давала столь исчерпывающие характеристики банковским ситуациям, делая упор на их пороки и грехи, что подобному досье могла позавидо-

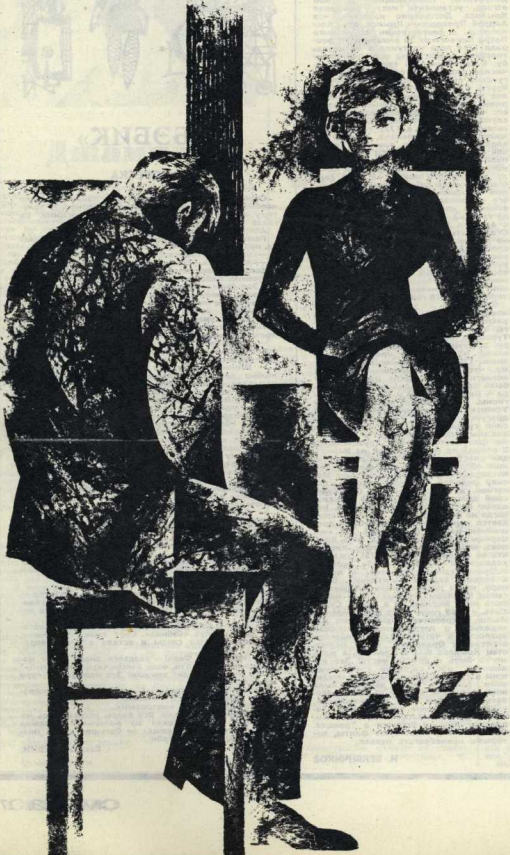

ДВОЕ СРЕДИ ЖИВЫХ

Аркадий ВАЙНЕР
Георгий ВАЙНЕР

ПОВЕСТЬ-АНТИДЕТЕКТИВ, ОСНОВАННАЯ НА ФАКТАХ И ДОКУМЕНТАХ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

21. Альбинос Рубонавичук

Да, видеть, другого выхода не остается. Надо будет бросить оного Горького машину и двинуть в Ленинград. Только побойться у Белого моря, поварихищей я не намерен. Ахось, пока нойм в издании рубли не отскочил, не пропалем. Повеяло, перевернулось в Ганевенне, и снова потечет эта мутная жизнь. Пока не представит случай начать все сначала. Володька, трепач, испугался. А то сейчас еще можно было бы чего-нибудь придумать. Только одному оставаться страшно... кто же... и куда... явно не удастся. Да и предлонить мне нечего. Ладно, нам-нибудь все само устроится.

— Просидели укажите, «Ю» Дзержинска — 18 км, до Горького — 70 км». Я сказал Володьке: — В Горький влякаться нет смысла. Надо бросить такси на дозиметра...

— А потом подем паркет? Да ну! Доедем до окраин, поставим оного накого-нибудь дома и пойдем. Бросать в лесу опаснее — как только найдут, сразу вызовут поварихин: отведу в лесу до Горького московские такси!

— Показуй! — Я покомчал, потом сказал: — Слушай, Володька, я тебе хотел сказать на всякий случай. Ну, если там случится чего и все задержат... Мало ли что бывает. Там ты запомни: мол, ставлю на улице такси пустое, мы сели и поехали кататься. Поехат!

— Угу... молчу Володька головой. Мы просидели еще километра три, и двигатель стал чихать. Я сначала не соорбил дело. Потом азглянул на бензомер: стрелка завылилась за ноль. Все, кончился бензин. Мотор вырвался еще раз и заглох. Я переключил скорость на нейтраль. Мы наткнулись по инерции, наверное, еще в километре, пока колеса не замерли на обочине.

Я вылез из машины. Закурив сигарету и стал смотреть, на шоссе, домидался накого-нибудь грузинина. Дорога была совсем пустынной. Показался грузовик, который быстро приближался со стороны Москвы. Я вышел на середину шоссе и стал гонимать. На правом крыле у него заморгал поворотник. Я понял, что он останавливается. Грузовик притормозил. Из кабины вынулся высочайший рыжий парень.

— Что случилось?

— Выручи, друг, бензинчиком! Не хватило чуть-чуть. Вот и загорел здесь.

— А во что тебе жалеть? Канистра есть? Или ведро?

— Да в том-то и дело, что нет!

Шофер сплюнул через оное, поначал головой: — Эй, танкеры, шофера, лареный лапоты! — Он спрыгнул на асфальт, достал привезенный под бензиновое ведро, открыл крышку бака, посмотрел на нашу «Болту». — Здорово приломился ты, паря! Бензин сушьный и угадил зонной полнотой струйкой на шланга в ведро. Несильно нагнел упало на дорогу. Они сразу занерили, полнотой радужными весельями глтанья. Потом ведро наполнилось, я взял его аккуратно за ручку и пошел к машине. Володька, положив голову на спинку сиденья, дремал. Я поставил ведро на землю, открыл лючок бензобака, вставил шланг. Потом привалился. И увидел, что прямо против нас, с другой стороны шоссе, стоит «Волга»...

22. Старший инспектор дорожного надзора Иван Гурий

Жарный денек предстало. Было еще совсем рано, но жар уже оштумала город, как туца. В дежурное прямо дышать было нечего, хотя время только подползало и носом. Я из-за этого просидел «орентирован».

— Чего, чего? — спросил в шепотом у Калинин. — Танкеста ночью в Москве убили и угнали его машину! — сказал Калинин. Включил. — Тут, ушай, наверное, скоро всех бросит на патрулирование...

У меня в номере было попрокладное — она на север выходит. Я сел за стол, достал пистолет, разобрал его и смазал. Масло в бутылочку, сосем на дощичке — надо будет взять еще, а то как раз с нечеловеческим шумом попадешь под строевую проверку — сразу не обернешься.

Проверил затвор, посмотрел ствол на свет — зеркала, шлангу пару раз и встал из магазина. И тут позвонил телефон — на вызвет. Это Собачкин уже перешел радиостанцию. Я поехал с Калининну на горюдательской «Волге» — она без опознавательных цветов милиции. Калинин Включал сидел за руля в форме, а я — в гражданском. За три минуты мы просочились весь Дзержинск и выехали на Игумновскую дорогу. Дорога эта, молотилка, сосем ная, булыжники с битым асфальтом, но там мы сохранили путь. Мы выехали на Московские шоссе, у себя Дюрини пересекли магистраль и потихоньку двинулись в сторону Москвы. Убийцы Включан были ехали нам навстречу. Мы должны видеть инанк не должны — движение небольшое. Так не спеша и проехали километров пять. Здесь Калинин говорит — зрание у него, как у кошки:

— Свела на обочине машины стоят. Просидели еще немного, а я и так тоже разглядел — грузинки «ГАЗ-51» и перед ним «Волга». И люди редкие пошатываются. Калинин выключил мотор, и мы тихо, по инерции, подвезем вплотную. Визу: высокий парень с длинной челкой собирается

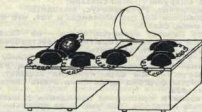

Рисунок И. ВОРОБЬЕВА

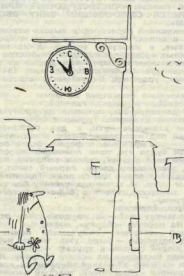
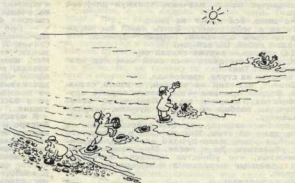

Рисунок В. ПЕСКОВА

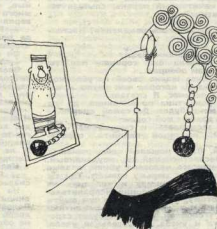
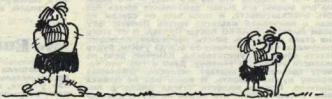
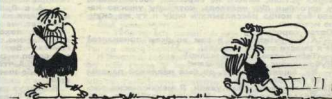

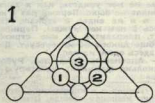
Рисунок А. НЕКРАСОВА

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

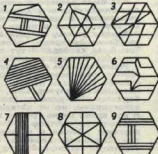
Рисунок Ф. КУРИЦ

В пустые кружочки впишите следующие шесть цифр: 4, 5, 6, 7, 8, 9 — в таком порядке, чтобы сумма цифр над каждым трех кружком по всем направлениям равнялась 18.

2.

Эти девять шести-угольников правильной формы разбавлены по-разному на произвольное число частей. Присмотритесь внимательно но всем девяти фигурам, а затем зарисуйте их листочком бумаги и ответьте на следующие вопросы: назови из девяти фигур разделена на наибольшее число частей и какая из них на наименьшее?

3.

Квадрат поделен, как это видно на рисунке, на 12 меньших квадратов. Гораздо сложнее поделить эту площадь на 11 квадратов разной величины. Попробуйте это сделать.

4.

Представленная на рисунке фигура состоит из многих треугольников. Попробуйте их подсчитать.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сделано в набор 24/1 1969 г. А 00С31. Подписано к печати 14/II 1969 г. Формат бумаги 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 100 000 экз. Изд. № 411. Загла № 270. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА
Музыка Романа МАЙОРОВА

БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Где бы узнать о примете мне!
Снятся мне белые лебеди.
В путь собираются лебеди,
А меня не зовут,
а меня не зовут.
Что обещают на свете мне
Белые-белые лебеди!
Как облака белоснежные,
Лебеди vanno плывут.

Припев:

Я куда-то бегу,
Я куда-то стремлюсь,
На пустом берегу
Я остаюсь боюсь —
И остаюсь...

Может, вы, белые лебеди,
Где-то любовь мою встретили!
Где мне искать ее, лебеди!
Расскажите о ней,

расскажите о ней.

Слышите, белые лебеди,
Может, ее вы заметили!
Сверху видней,
белоснежные лебеди,
Сверху видней.

Припев.

Что же вы, белые лебеди,
Мне ничего не ответили!
Счастье прочтите, лебеди,
А может, печаль,

а может, печаль...

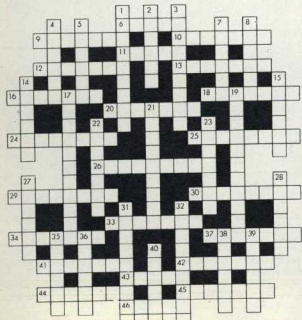
Сколько грустить мне в неведаньи,
Что за примета вы, лебеди!
Молча плывущие лебеди

в сиянюю даль.

Припев.

Паданьян. Речь ЧТФ

Составила Г. ВОРНОВА,
г. Комсомольск-на-Амуре.

По горизонтали:

6. Персонаж произведения М. Горького «Мазар Мудрак», в Рассказ А. П. Чехова. 10. Цветок. 11. Город во Франции. 12. Областной центр в РСФСР. 13. Советское спортивное общество. 16. Советский ледниковед. 18. Народность Якутии. 20. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Гроза». 24. Песня А. Пахмутовой. 25. Действующее лицо пьесы М. Горького «Варвары». 26. Помощник профессора. 28. Соединение химического элемента с инксродом. 30. Вступление и музыкальному произведению. 33. Персонаж романа М. С. Гургулява «Отцы и дети». 34. Стихотворение М. Светлова. 37. Песня на слова М. Матусовского. 41. Речь действующего лица пьесы. 42. Музыкальный цикл М. П. Мусоргского. 43. Бразильский писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление связи между народами». 44. Марка мощного советского трактора. 45. Поощрение за отличия, заслуги. 46. Опера С. Прокофьева.

По вертикали:

1. Река в Африке. 2. Порт на Азовском море. 3. Ставшая намером для глубоководных исследований. 4. Национальная японская одежда. 5. Город в Молдавии. 7. Летная птица. 8. Видный деятель рабочего движения, друг К. Маркса и Ф. Энгельса. 14. Духовой музыкальный инструмент. 15. Приток реки Куры. 17. Ткачиха, инициатор движения многоночных. 18. Награжденная «Почетным знаком ВЛКСМ». 19. Порт на северном побережье Советского Союза. 21. Государство в Южной Америке. 22. Незаросшие деревья. 23. Музыкальная лирическая пьеса. 27. Приток Енисея. 28. Поэтической жанр. 31. Период суходоства. 32. Птица отряда куликов. 35. Химический элемент. 37. Герой пьесы С. Алешина «Все остается людям». 38. Приток Амура. 39. Государство в Восточной Африке. 40. Водопад в Финляндии.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ в № 4

По горизонтали:

4. Репей. 6. «Панталон». 9. Палачин. 10. Колосик. 11. Чувачик. 13. Клубы. 15. Софья. 20. Казанчик. 21. Паровоз. 22. Глазница. 24. Профессор. 26. «Юнец». 29. Раттар. 31. Чардаш. 32. Антошка. 33. Паленко. 34. Нагасаки. 35. Шукри.

По вертикали:

1. Березовый. 2. Финляндия. 3. «Кельня». 5. Кропи. 6. «Балевада». 7. Пирамиды. 12. «Черевички». 14. Лисовский. 22. Глазница. 17. Визир. 18. Шигра. 19. Майор. 23. Каттарт. 25. Слюдина. 28. Сорюмент. 27. Велюинис. 30. Равета. 31. «Чалаев».

Спортивная тема в творчестве белорусских архитекторов: Дворец спорта и стадион «Красное знамя» в Минске.

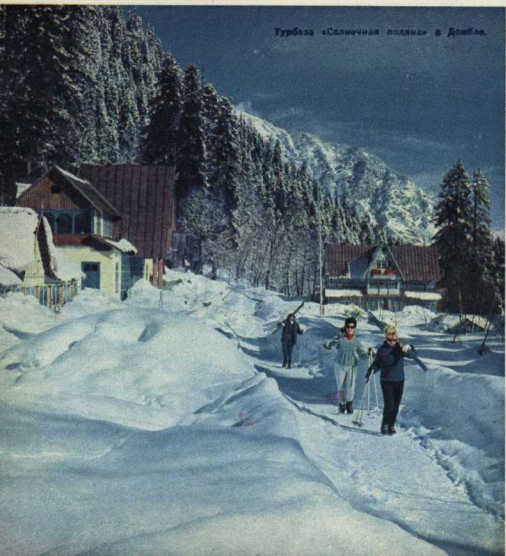
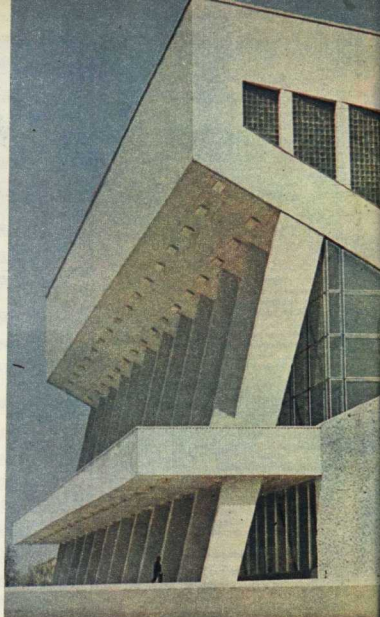
Фото Мстислава БОТАШЕВА

СОАВТОРЫ РЕКОРДОВ

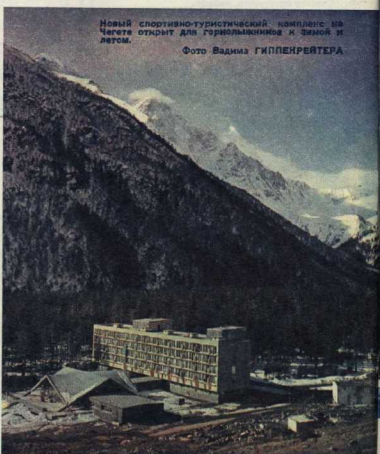
Современный спорт стал очень требовательным, даже капризным. Плавание, баскетбол, волейбол и даже такие зимние виды, как хоккей и фигурное катание, ушли под крышу, и конькобежцы в моде искусственные катки, легкоатлеты намерены фиксировать свои рекорды только на дорожках со специальным покрытием, а велосипистам нужны треки, рассчитанные так же идеально, как траектории космических кораблей. Иными словами, архитекторы теперь могут с полным правом считать себя соавторами спортивных рекордов.

Проект высотного спортивного комплекса для районов новостроек больших городов.

Эскиз архитектора Юрия ИВАНОВА

Турбаза «Солнечная поляна» в Дюбюе.

Новый спортивно-туристический комплекс на Чегете открыт для горнолыжников с Земли и неба.

Фото Вадима ГИППЕНРЯТЕРА